И 350/133
в. 4
И 350/133

IV

БІОГРАФИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ

Владиміра Новаковскаго.

№ 1676.
Сергиево-Посадской Библіотека Прогимназіи

IV.

МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СПЕРАНСКІЙ.

(Съ портретомъ Сперанскаго).

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

1868.

№ 82 И 350/133

БІОГРАФИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ

Владиміра Новаковскаго.

№ 1676.

IV.

МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СПЕРАНСКІЙ.

(Съ портретомъ Сперанскаго).

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

1868.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Августа 1868 года.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛ-КА
имени
В.И.Ленина

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, близъ Круглаго Рынка, № 5-й.

М. Сперанскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ 1-му изданію.

Въ дѣлѣ воспитанія и образованія юношества чтеніе книгъ имѣетъ важное значеніе: кромѣ сообщенія дѣтямъ самыхъ разнообразныхъ познаній, оно развиваетъ ихъ умственно и нравственно, и тѣмъ особенно удобно, что можетъ происходить и безъ посторонней помощи, составляя самостоятельное занятіе дѣтей. Нужно только, чтобы книги для чтенія составлены были *педагогически,* т. е. чтобы онѣ по своему содержанію соотвѣтствовали цѣли воспитанія и образованія, сообщая своимъ читателямъ истинно полезныя и необходимыя для нихъ свѣдѣнія, а по способу изложенія приноровлены были къ ихъ понятіямъ, чтобы такимъ образомъ родители и воспитатели смѣло могли давать такія книги въ руки дѣтямъ, напередъ зная, чѣмъ полезно будетъ для нихъ прочтеніе той или другой книги. Съ этою педагогическою цѣлію предпринято изданіе *біографическихъ очерковъ,* имѣющихъ въ виду знакомить юныхъ читателей своихъ съ человѣкомъ, какъ съ *человѣкомъ,* кто бы онъ ни былъ, на какомъ бы поприщѣ ни дѣйствовалъ, только бы въ его жизни выразились черты истинно человѣческаго достоинства, только бы въ его дѣйствіяхъ заключались добрые примѣры, только бы свойства его души по чему-нибудь были замѣчательны, только бы въ различныхъ общественныхъ его положеніяхъ видны были тѣ об-

*

стоятельства, борьба съ которыми неизбѣжна человѣку въ жизни. Путемъ такого чтенія дѣти, знакомясь съ человѣкомъ, какъ съ человѣкомъ, не посредствомъ теоріи, излагаемой въ разныхъ наукахъ, а посредствомъ примѣровъ, слѣдовательно самымъ легкимъ и дѣйствительнымъ образомъ, будутъ доводимы также до сознанія какъ того, что значитъ быть въ томъ или другомъ званіи, быть ученымъ, военнымъ, чиновникомъ и т. п., чтобы впослѣдствіи съ яснымъ сознаніемъ избрать и для себя то или другое званіе, такъ и того, какъ согласно съ человѣческимъ достоинствомъ дѣйствовать на избранномъ поприщѣ, имѣя предъ собою рядъ историческихъ личностей и представляя себѣ, какъ на томъ или другомъ поприщѣ высказался въ нихъ человѣкъ, его умъ, воля, сердце, его душа. При такомъ взглядѣ на *біографическіе очерки*, и планъ ихъ принимаетъ особенный характеръ, по которому изъ историческихъ источниковъ берется только то, что прямо относится къ цѣли, т. е. къ тому, чтобы изъ жизни замѣчательныхъ историческихъ личностей извлечь полезные уроки для современнаго молодаго поколѣнія, пользуясь для настоящаго опытами прошедшаго и не забывая, что ничто такъ сильно не дѣйствуетъ на дѣтей, какъ примѣры. «Біографическіе Очерки» имѣютъ въ виду дѣтей старшаго возраста, и представляютъ чтеніе полезное, легкое и занимательное. Пять такихъ очерковъ уже изданы въ свѣтъ: *Ломоносовъ*, *Суворовъ*, *Митрополитъ Платонъ*, *Сперанскій* и *Пушкинъ*, дѣйствовавшіе на поприщахъ—ученомъ, военномъ, духовномъ, гражданскомъ и поэтическомъ.

Владиміръ Новаковскій.

> Жизнь предковъ—урокъ для потомства.
> *Исторія.*
>
> Ничто такъ сильно не дѣйствуетъ на молодыхъ людей, какъ примѣры другихъ.
> *Опытъ.*
>
> Потомки благодарны своимъ предкамъ, когда помнятъ ихъ и цѣнятъ ихъ заслуги.
> *Истина.*

I.

Въ ночь на новый 1772 годъ, у священника села Черкутина Владимірской губерніи, отца Михаила, родился сынъ Михаилъ. При рожденіи его, мать дала обѣтъ сходить въ Ростовъ на поклоненіе мощамъ св. Димитрія, что и было ею свято выполнено. Ребенокъ былъ слабаго сложенія, что показывала необыкновенная бѣлизна его лица, которое было почти молочнаго цвѣта. Но въ слабомъ тѣлѣ у него таился мощный духъ, начавшій проявляться уже съ того времени, какъ только онъ выучился грамотѣ: у Миши обнаружилась необыкновенная охота къ чтенію книгъ. Въ церкви онъ обыкновенно читалъ *Часы* и *Апостолъ*; и какъ при чтеніи *Апостола* шестилѣтнему ребенку трудно было держать въ рукахъ большую книгу, то и клали ее на налой, а чтецу ставили подъ ноги скамейку. Въ домашнемъ воспитаніи за Мишей слѣдилъ больше дѣдушка его, потерявшій подъ старость зрѣніе, и обыкновенно водимый маленькимъ своимъ внукомъ. Слѣпецъ при всякомъ случаѣ давалъ юному вожатому наставленія, самому ему преподан-

ныя долговременною опытностію, и, будучи строгихъ правилъ, старался пріучить и своего питомца къ точному выполненію своихъ наставленій. Онъ же слѣдилъ и за тѣмъ, какъ Миша читалъ въ церкви, и если ребенокъ въ чомъ-нибудь ошибался, старецъ громко поправлялъ его изъ алтаря или съ клироса. Примѣръ бабушки, отличавшейся благочестивою и строгою жизнію, также не остался безъ вліянія на внука: въ юной душѣ его навсегда напечатлѣлся тотъ образъ, какъ она, стоя каждое утро и вечеръ предъ иконами, неподвижная, точно окаменѣлая, въ пламенной молитвѣ возносила духъ свой къ Богу, недоступная никакимъ развлеченіямъ. Внукъ никогда не могъ забыть и того постническаго подвига своей бабушки, по которому она въ послѣдніе годы своей жизни питалась одною только просфорою, размачиваемою въ водѣ.

Когда Мишѣ исполнилось семь лѣтъ, его отвезли во Владиміръ, чтобы опредѣлить въ тамошнюю семинарію. Тамъ жилъ дядя его, бывшій сначала протодіакономъ, а потомъ и священникомъ, который взялъ племянника къ себѣ въ домъ, и записалъ его вмѣстѣ съ своимъ сыномъ въ семинарію для обученія. Ни съ кѣмъ Миша такъ не сошелся въ домѣ, какъ съ двоюродною своею сестрою, впослѣдствіи женою священника Смирнова, къ которой перешелъ и на жительство. Въ свободные отъ занятій часы онъ всегда старался быть при ней, ходилъ съ нею въ церковь и на гулянье; любилъ слушать ея разсказы, для которыхъ она имѣла особый даръ слова, и самъ разспрашивалъ ее не о томъ, то о другомъ; слушался ея во всемъ съ искреннею покорностію. Если Смирновой нужно было что-нибудь сдѣлать или куда-нибудь послать, Миша говорилъ: «Угодно ли, сестрица, я сдѣлаю или схожу?» Бывало, въ зимніе вечера она долго засиживалась за работою; Миша также долго не ложился спать, и сидѣлъ при ней: «Тебѣ, говорилъ онъ, одной скучно будетъ сидѣть; я еще не-

множко посижу съ тобою, и поговоримъ что-нибудь». Если ей приходилось грустить, Миша садился возлѣ нея, и утѣшалъ ее, какъ могъ. Тогда какъ дядя-старикъ слѣдилъ за успѣхами въ наукахъ своихъ семинаристовъ, за приготовленіемъ ими уроковъ, объясняя непонятное для нихъ, Смирнова смотрѣла за ихъ поведеніемъ, и руководила ими. Она внушила своему братцу тѣ добрыя начала нравственности, которыя навсегда остались въ его душѣ; и онъ, говоря впослѣдствіи: «не та только мать, которая родила меня, но и та, которая воспитала», разумѣлъ здѣсь Смирнову.

При рѣдкихъ природныхъ способностяхъ, отличаясь ревностнымъ прилежаніемъ, Миша оказывалъ превосходные успѣхи въ наукахъ. Въ грамматическихъ впрочемъ классахъ, гдѣ ученіе болѣе основывалось на механизмѣ и памяти, нѣкоторые товарищи стояли выше его по списку; зато въ высшихъ—реторическомъ, философскомъ и богословскомъ, гдѣ необходимо было собственное размышленіе, особенно при составленіи сочиненій, которыя тамъ постоянно требовались, онъ взялъ верхъ надъ всѣми, и шелъ всегда первымъ. И каникулярное время не проходило у него безъ занятій: отправляясь въ Черкутино, онъ бралъ съ собою и книги, какія могъ достать: тамъ читалъ ихъ; записывалъ въ особую тетрадку какъ мысли, такъ и самыя выраженія, по чему-нибудь показавшіяся ему замѣчательными; писалъ и собственныя сочиненія, которыя долго хранились въ томъ селѣ, пока не истреблены были пожаромъ. Онъ читалъ и писалъ безъ устали и съ такою усидчивостію, которая совсѣмъ была не по его лѣтамъ; а чтобы ему не мѣшали, обыкновенно располагался съ своими занятіями на чердакѣ; по праздникамъ же любилъ читать житія Святыхъ въ присутствіи старушекъ, которыя вознаграждали его за то пряниками и орѣхами. Когда приближалось время возвращаться въ семинарію, Миша былъ въ восторгѣ, во-

ображая себѣ массу новыхъ свѣдѣній, которыя надѣялся услышать въ классѣ по той или другой наукѣ, и никогда не проронилъ ни одной слезы на прощаньи съ родными. Въ семинаріи, кромѣ обыкновенныхъ занятій, онъ велъ еще записки въ родѣ дневника, уцѣлѣвшія на обрывкѣ календаря 1786 года, который хранится теперь въ Императорской Публичной библіотекѣ. На этомъ лоскуткѣ значится, напримѣръ, въ апрѣлѣ: «за башмаки апрѣля 7-го Трифону 70 коп.» и далѣе: «начали слушать физику»; въ маѣ: «8-го тезоименитство архимандрита Арсенія»; въ іюнѣ 1787 года: «5-го окончилась бочка первая полпива, девять недѣль продолжавшаяся», или: «2-го, по резолюціи преосвященнаго, опредѣлена сестрица Марья просвирнею въ Черкутино», или: «7-го взято жалованья 60 коп.», или: «прибыли въ Москву 25 числа, поутру въ 11 часовъ». Въ іюдѣ записано: «издержано: манныхъ крупъ 2 фунта 10 коп., ленточка 12, поясъ 11, ленточка 7, въ Ставровѣ 4, на мыло 1, на щетку 10»; въ августѣ: «4-го во всю ночь и утро до 9 часовъ лилъ дождь съ громомъ и молніею. Ненастливый дождь, при сильномъ вѣтрѣ, продолжался даже до 7 числа, начиная отъ 4-го»; также: «9-го привезли огурцовъ изъ Боголюбова». Въ сентябрѣ записано: «20-го прислапъ указъ и манифестъ. Первымъ повелѣваемо было, по случаю начинающейся съ Портою войны, молебствовать въ церквахъ о дарованіи надъ нею побѣды, а вторымъ объяснялись причины, для коихъ война необходима для Россіи, а именно: требованіе отъ Порты нѣкоторыхъ земель, коихъ возвращеніе не иначе можетъ послѣдовать, какъ съ крайнимъ нашимъ вредомъ, обиды Порты, бунты и наконецъ съ ея стороны нарушеніе мира. По объявленіи сихъ причинъ, написано было, что отъ 7 сентября повелѣно Румянцеву и Потемкину ввѣреннымн имъ войсками дѣйствовать противъ непріятеля. Данъ въ С.-Петербургѣ 10 сентября». Въ томъ-же сентябрѣ записано: «26-го го-

ворилъ проповѣдь въ Рождественскомъ монастырѣ, въ присутствіи его преосвященства, о богословіи»; въ ноябрѣ: «Боже мой! научи меня любить Тебя, моего Творца! Сердце мое тебѣ открыто. Я самъ себя едвали понимаю». Эти немногія отмѣтки рѣзко характеризуютъ и самого отмѣчавшаго ихъ: какъ его все занимало! какъ онъ былъ точенъ въ завѣдываніи какою-нибудь частію хозяйства! какими ничтожными матеріяльными средствами онъ владѣлъ тогда! Не смотря на то, когда архіерейскіе пѣвчіе, къ хору которыхъ и онъ принадлежалъ, въ праздники Рождества Христова и Пасхи ходили по частнымъ домамъ пѣть канты, онъ никогда не входилъ въ комнату за полученіемъ денегъ, и отказывался отъ своей доли въ общей выручкѣ. Самое же веденіе дневника, требующее постоянства, доказывало, какъ онъ умѣлъ подчинять себя разъ задуманной мысли и располагать свою дѣятельность по извѣстному плану. Не оттого ли и всѣ занятія его шли успѣшно? Начальство обратило на него справедливое вниманіе: какъ лучшій изъ воспитанниковъ, онъ былъ постриженъ въ стихарь, и получилъ позволеніе носить посохъ, во время архіерейскаго служенія; а ректоръ семинаріи взялъ его къ себѣ въ келейники, для чего онъ и долженъ былъ оставить домъ Смирновыхъ. Тутъ онъ сталъ получать жалованье, хотя самое ничтожное; но что всего важнѣе было для него, это библіотека ректора, послужившая новою пищею для удовлетворенія его любознательности. Попечительное начальство простерло свою заботливость даже на его будущность: когда въ Черкутинѣ открылась діаконская вакансія, архіерей велѣлъ оставить ее за Сперанскимъ впредь до окончанія имъ семинарскаго курса, и она нѣсколько лѣтъ числилась за нимъ. По случаю переведенія мѣстнаго архіерея изъ Владиміра въ Суздаль, перемѣщена была туда и Владимірская семинарія, а съ нею переѣхалъ въ Суздаль и нашъ Миша. Впрочемъ тамъ онъ былъ недолго: какъ отличнѣйшій ученикъ и по успѣ-

хамъ и по поведенію, онъ вмѣстѣ съ двумя товарищами въ 1790 году отправленъ былъ въ Петербургъ въ Главную семинарію, только-что учрежденную тогда съ цѣлію образовать семинаристовъ къ учительской должности въ высшихъ классахъ, для чего вызваны были лучшіе воспитанники изъ разныхъ семинарій.

Въ Александроневской семинаріи Миша поступилъ на казенное содержаніе. Кромѣ французскаго языка, науки, здѣсь преподававшіяся, были тѣ-же, что и въ другихъ семинаріяхъ, только ихъ читали пространнѣе. Изъ нихъ онъ болѣе любилъ заниматься математикою: «Въ прочихъ наукахъ, говорилъ онъ, особенно въ словесныхъ и философскихъ, всегда есть что-нибудь сомнительное, спорное; а математика занимается только достовѣрными, безспорными выкладками». Особенное вліяніе на его образованіе, по собственному его сознанію, имѣли здѣсь сочиненія, подававшія поводъ къ диспутамъ или спорамъ: «Вообще если было для меня тутъ какое образованіе, говорилъ онъ, то развѣ отъ сочиненія спорныхъ диссертацій, которыя двое или трое изъ насъ сами задавали другъ другу и потомъ вмѣстѣ просматривали». И въ этой семинаріи онъ сталъ выше всѣхъ своихъ товарищей, т. е. между первыми сталъ первымъ: а своими проповѣдями, которыя говорилъ въ Александроневской лаврѣ, обратилъ на себя вниманіе тогдашняго митрополита Гавріила. «Одушевленныя черты юноши-проповѣдника, мелодическій его голосъ и изливавшееся въ его словахъ собственное сердечное умиленіе»—вотъ что, по словамъ одного его товарища, дѣлало проповѣди его увлекательными. Нравственными своими качествами онъ снискалъ себѣ любовь и уваженіе своихъ товарищей: былъ необыкновенно скроменъ и ласковъ, снисходителенъ къ слабостямъ другихъ, добръ и услужливъ, всегда готовъ былъ помогать всякому своими знаніями и совѣтами, отличался, по словамъ одного изъ нихъ, «особеннымъ цѣломудріемъ

въ мысляхъ, словахъ и чувствахъ». Но онъ не принималъ участія въ разныхъ шалостяхъ, которыя они позволяли себѣ, что подавало имъ поводъ иногда уклоняться отъ него. Впрочемъ игра въ карты, за которою товарищи его проводили половину ночей, едва было не завлекла и его въ этотъ кружокъ; но онъ имѣлъ столько силы воли, такъ умѣлъ владѣть собою, что побѣдилъ въ себѣ эту начинавшую развиваться въ немъ страсть: и тогда ни просьбы, ни насмѣшки товарищей на него уже не дѣйствовали. Онъ позволилъ себѣ только одно—нюхать табакъ, по самой оригинальной причинѣ, чтобы «казаться старѣе», такъ-какъ онъ былъ по виду очень моложавъ. Отъ этой привычки никакъ уже не могъ отстать и послѣ, хотя очень желалъ, потому-что говорилъ: «если бъ я не нюхалъ табаку, я былъ бы молодецъ».

II.

По окончаніи курса въ Александроневской семинаріи, воспитанники отсылаемы были каждый въ свою епархію, изъ какой кто пріѣхалъ, и тамъ уже получали назначеніе. Сперанскому также приходилось возвратиться на родину; но митрополитъ Гавріилъ вошолъ въ синодъ съ представленіемъ, что онъ весьма нуженъ ему въ Невской семинаріи для математическихъ наукъ. И потому 9-го января 1792 г. рѣшено было, вмѣсто отсылки въ Суздаль, оставить Сперанскаго въ Петербургѣ.

Сперанскій назначенъ былъ учителемъ математики въ Главной семинаріи съ жалованьемъ по 150 руб. асс. въ годъ. Когда потомъ поручили ему преподавать еще физику и краснорѣчіе, то къ жалованью его прибавили 50 р.; чрезъ три года онъ сдѣлался учителемъ философіи и префектомъ семинаріи, и жалованье его дошло до 275 руб По званію префекта семинаріи, Сперанскій составлялъ ис-

ключеніе, потому-что предмѣстники его были іеромонахи. И ему дѣлаемы были сильныя внушенія принять монашескій санъ; но онъ отклонилъ это предложеніе, не чувствуя въ себѣ къ тому призванія. Какъ преподаватель и мастеръ красно говорить, онъ нерѣдко увлекалъ на лекціяхъ своимъ краснорѣчіемъ, которое доходило у него даже до высокопарности; но, какъ преподаватель молодой, не подготовленный достаточно, притомъ еще по нѣсколькимъ каѳедрамъ наукъ, онъ долженъ былъ и самъ много трудиться. Знаніе древнихъ языковъ и французскаго помогло ему въ томъ: онъ читалъ разныя сочиненія на этихъ языкахъ, напримѣръ, сочиненія Ньютона, Декарта, Локка, Лейбница читалъ, разумѣется, съ критическимъ разборомъ, записывая въ тетрадь свои изысканія и замѣтки. По недостатку учебниковъ на русскомъ языкѣ, онъ пользовался и разными руководствами на языкахъ иностранныхъ: алгебру читалъ по Эйлеру, а геометрію и тригонометрію по Крафту. По краснорѣчію давалъ свои записки, извѣстныя подъ именемъ: «*Правила высшаго краснорѣчія*», и ходившія по рукамъ даже и тогда, когда главная семинарія преобразована была въ академію (1797 г.). Замѣчательно, что эти «Правила» написаны совсѣмъ не такимъ языкомъ, какимъ писали тогда другіе; а Карамзинъ, преобразователь нашей рѣчи, только-что выступилъ еще на поприще, и слѣдовательно не могъ быть образцомъ для Сперанскаго. Отрывочныхъ своихъ сочиненій, какъ и записокъ по краснорѣчію, онъ не печаталъ, можетъ-быть, по недовѣрчивости къ своимъ силамъ; многія изъ нихъ утратились, а нѣкоторыя были напечатаны въ журналахъ (*О силѣ, основѣ и естествѣ* и *Досуги*), или отдѣльными книжками (*Правила краснорѣчія*) уже по смерти его почитателями его таланта. Въ «Досугахъ», писанныхъ частію порусски, частію пофранцузски, находится слѣдующая французская фраза: Canévas d'un roman á faire: le pére de famille:

не тема ли это была для романа, который онъ затѣвалъ написать? тамъ же записано слѣдующее размышленіе: «Облетавъ мыслію всѣ въ свѣтѣ удовольствія, всегда надобно кончить тѣмъ, чтобъ вздохнуть, усмѣхнуться и—быть добродѣтельнымъ». При скудномъ жалованьи, Сперанскій жилъ чрезвычайно скромно; но изрѣдка бывалъ въ театрѣ, гдѣ платилъ за мѣсто по 25 коп. мѣдью.

Обстоятельство совершенно случайное измѣнило карьеру Сперанскаго. Князю Куракину, богатому вельможѣ, нуженъ былъ домашній секретарь. Онъ обратился съ просьбою къ митрополиту Гавріилу, который и указалъ ему на Сперанскаго. Его же рекомендовалъ князю и землякъ его Ивановъ, служившій подъ начальствомъ Куракина, и жившій даже у него въ домѣ. Въ назначенный день въ 8 часовъ вечера Сперанскій явился къ вельможѣ. Тотъ поручилъ ему написать одиннадцать писемъ къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ, употребивъ около часа на изъясненіе того, что нужно было написать въ каждомъ письмѣ. Сперанскій тотчасъ приступилъ къ дѣлу, оставшись ночевать у Иванова, и къ 6-ти часамъ утра всѣ одиннадцать писемъ были готовы. Куракинъ не вѣрилъ глазамъ, когда на другой день увидѣлъ письма на столѣ, и еще болѣе изумился, когда, прочитавъ ихъ, увидѣлъ, какъ мастерски они были изложены. Сперанскій поступилъ къ князю секретаремъ, даже переѣхалъ къ нему въ домъ, не оставляя и службы по семинаріи, что ему дозволено было митрополитомъ.

Положеніе Сперанскаго теперь нѣсколько улучшилось: къ учительскому его жалованью по семинаріи прибавилось еще 400 р. асс., назначенныхъ ему княземъ, и содержаніе ничего не стоило. Онъ взятъ былъ къ Куракину для русской переписки, а для иностранной были уже у князя другіе два секретаря: всѣ они жили въ одной комнатѣ, въ которой кровати отдѣлены были простыми бумажными ширмами. Новый секретарь такъ понравился вельможѣ, что тотъ

пригласилъ его обѣдать за своимъ столомъ, желая пріучить молодаго человѣка къ хорошему обществу. Какъ ни лестно было для Сперанскаго такое приглашеніе, но за господскимъ столомъ онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко, что не скрылось и отъ князя, который дозволилъ ему поэтому обѣдать, гдѣ онъ хочетъ. Сперанскій предпочелъ обѣдать съ камердинерами, горничными и нянями, т. е. старшими изъ прислуги. Прислуга полюбила его, и онъ пріятельски сошелся съ двумя камердинерами — Михайловымъ и Марковымъ, которые не пропускали случая оказывать ему свои услуги. Но какъ ни удалялся Сперанскій аристократическаго круга, все-таки въ домѣ Куракина ему пришлось познакомиться съ умнымъ и богатымъ вельможею, Иваномъ Лазаревичемъ Лазаревымъ, который поручалъ ему составленіе бумагъ какъ по частнымъ своимъ дѣламъ, такъ и по разнымъ предметамъ, касавшимся Армянъ, щедро награждая его за труды. Въ домѣ Лазарева, принимавшаго у себя всю знать, онъ сдѣлался извѣстенъ всѣмъ важнымъ и сильнымъ людямъ того времени, между-прочимъ, армянскому архіепископу, князю Аргутинскому-Долгорукому, который предложилъ ему исправленіе русскаго перевода армянской книги, изданной потомъ подъ заглавіемъ: «*Исповѣданіе Христіанской вѣры Армянской церкви*».

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла Петровича, Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, управлявшій третьею экспедиціею для свидѣтельства государственныхъ счетовъ, вдругъ послѣ этой незначительной должности пожалованный въ сенаторы, назначенъ былъ генералъ-прокуроромъ, въ рукахъ котораго сосредоточивались тогда всѣ высшія дѣла государственнаго управленія. Едва прошло двѣ недѣли послѣ назначенія Куракина генералъ-прокуроромъ, Сперанскій подалъ митрополиту просьбу объ увольненіи его изъ Александроневской семинаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ духовнаго званія. Не прошло потомъ и двухъ недѣль, какъ онъ, полу-

чивъ увольненіе съ аттестатомъ, опредѣленъ уже былъ на службу въ канцелярію генералъ-прокурора съ чиномъ титулярнаго совѣтника по званію магистра и съ жалованьемъ 750 руб. въ годъ. На новомъ поприщѣ въ самое непродолжительное время молодой чиновникъ встрѣтилъ нѣсколько пріятныхъ улыбокъ судьбы, быстро слѣдовавшихъ одна за другою: чрезъ три мѣсяца гражданской своей службы онъ произведенъ былъ въ коллежскіе ассессоры, чрезъ девять мѣсяцевъ потомъ—въ надворные совѣтники, на девятомъ мѣсяцѣ послѣ этого—въ коллежскіе совѣтники, т. е. въ полтора года съ небольшимъ онъ получилъ три такихъ чина. «Жажда ученія, говорилъ онъ, побудила меня перейти изъ духовнаго званія въ свѣтское: я надѣялся ѣхать за границу и усовершенствовать себя въ нѣмецкихъ университетахъ, но вмѣсто того завлекся службою...» Какъ было не завлечься такою службою? Само собою разумѣется, что такія безпримѣрныя награды объясняются только личнымъ расположеніемъ генералъ-прокурора къ своему дѣлопроизводителю, а потомъ экспедитору (начальнику отдѣленія), а не какими-нибудь необыкновенными заслугами послѣдняго, которыхъ еще не было.

Вдругъ Куракинъ лишился царскаго благорасположенія, и ему велѣно было жить впредь въ своихъ деревняхъ—что было дѣлать Сперанскому? Онъ объявилъ князю, что готовъ оставить службу и ѣхать съ нимъ въ деревню. Куракинъ на то не согласился; напротивъ настоялъ, чтобы экспедиторъ продолжалъ службу, на которой такъ успѣшно сдѣланъ первый шагъ. Сперанскій послушался. Послѣ Куракина въ короткое время, въ два года съ небольшимъ, смѣнились три генералъ-прокурора: князь Лопухинъ, Беклешовъ и Обольяниновъ — всѣ различнаго характера, нрава, способностей, образованія. Нашему экспедитору нужно было быть теперь, какъ онъ самъ выражался, «всяческая во всемъ». За этимъ дѣло не стало: Сперанскому ли бы-

ло затрудняться въ такомъ поведеніи, отличавшемуся ловкою вкрадчивостію и умѣньемъ выказать себя предъ другими? Но при этомъ нужно было еще и дѣла вести умѣючи: при блистательныхъ дарованіяхъ и неутомимой дѣятельности, Сперанскій ли могъ не быть превосходнымъ чиновникомъ? Работая безъ устали, онъ раньше всѣхъ поспѣвалъ съ докладами; работу велъ такъ быстро, что рѣдкій борзописецъ успѣвалъ слѣдовать за нимъ въ перебѣливаніи докладовъ. Что у другаго потребовало бы множества предварительныхъ справокъ, о томъ онъ писалъ съ одной памяти. Имѣя способность тотчасъ обнимать и усвоивать себѣ предметъ, какъ бы онъ сложенъ ни былъ, и воспламеняясь при каждомъ новомъ предметѣ свойственнымъ ему энтузіазмомъ, онъ мастерски излагалъ дѣло, давая ему всегда форму изящную, систематическую и ясную. Не бывъ никогда въ дѣловой школѣ, онъ выучился дѣлопроизводству въ пылу самой работы въ генералъ-прокурорской канцеляріи. Одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ его впослѣдствіи, баронъ Розенкампфъ, писалъ о немъ: «Трудно было въ цѣлой Россіи найти человѣка, который съ болѣе счастливыми природными дарованіями соединялъ бы вмѣстѣ такую пріятность и ловкость въ докладѣ, такое искусное перо, такой даръ убѣжденія и наконецъ, при стремленіи къ преобладанію, такую личину скромности, угодливости и даже раболѣпства». Самъ онъ, чувствуя свое превосходство предъ другими, такъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей: «Больно мнѣ, другъ мой, если смѣшаете вы меня съ обыкновенными людьми моего рода: я никогда не хотѣлъ быть въ толпѣ и конечно не буду». Кто бы ни былъ его начальникъ, онъ непремѣнно успѣвалъ обратить на себя его вниманіе и ставилъ себя такъ, что его отличали отъ прочихъ чиновниковъ и всегда считали необходимымъ для себя человѣкомъ. Беклешовъ, славившійся природнымъ умомъ, знаніемъ дѣла, правдивостію и безкорыстіемъ, умѣлъ

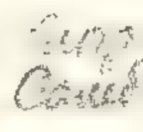
цѣнить своего экспедитора, который при немъ произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. Обольяниновъ былъ другихъ свойствъ: человѣкъ добрый, честный, преданный Государю, безпрекословный исполнитель его воли; но безъ всякаго образованія, грубый и вспыльчивый. Кромѣ-того, при самомъ назначеніи его генералъ-прокуроромъ, случилось одно обстоятельство, очень неблагопріятное для Сперанскаго: данъ былъ приказъ смѣнить прежнихъ чиновниковъ генералъ-прокурорской канцеляріи, въ слѣдствіе чего правитель ея Аверинъ былъ уволенъ. И карьера нашего экспедитора, можно сказать, висѣла теперь на волоскѣ: какъ же онъ поступилъ въ этихъ грозныхъ для него обстоятельствахъ? Смѣтливый и ловкій, онъ прежде всего съумѣлъ подѣйствовать на новаго генералъ-прокурора такъ, что остался на службѣ въ той-же канцеляріи: онъ разсчиталъ, что первое впечатлѣніе при первомъ свиданіи съ Обольяниновымъ должно рѣшить все, и ловко придумалъ, какъ произвести на грубую его натуру самое благопріятное впечатлѣніе. Въ назначенный день и часъ онъ явился къ своему грозному начальнику не въ видѣ неуклюжаго, трепещущаго, одѣтаго въ обычный мундиръ подъячаго, какого тотъ, вѣроятно, думалъ видѣть въ немъ, а какъ молодой человѣкъ очень пріятной наружности, въ положеніи почтительномъ и въ самомъ изысканномъ нарядѣ того времени, именно: во французскомъ кафтанѣ изъ сѣраго гродетура, въ чулкахъ и башмакахъ, въ жабо и манжетахъ, въ завиткахъ и пудрѣ. Разсчетъ его, какъ нельзя лучше, удался: Обольяниновъ обошелся съ нимъ такъ вѣжливо, какъ только умѣлъ, предложивъ ему даже стулъ. Теперь для нашего экспедитора была другая задача: какъ служить при такомъ начальникѣ? Когда одинъ изъ товарищей Сперанскаго засталъ его разъ въ горькихъ слезахъ и спросилъ о причинѣ, онъ отвѣчалъ: «Помилуйте, хоть бы сейчасъ броситься въ прудъ. Работаю день и ночь, а отъ

Петра Хрисанѳовича слышу одни ругательства; сейчасъ еще, Богъ знаетъ за что, разбранилъ меня въ пухъ и обѣщалъ запрятать въ казематы на семь саженъ подъ землею. Этого вынести нельзя!» Однако Сперанскій выносилъ, терпѣлъ, хотя и съ горемъ, со слезами, и дѣлалъ свое дѣло. Своею смѣтливостію въ ловкомъ исполненіи резолюцій и приказаній онъ скоро вошелъ въ довѣренность своего начальника, чему немало помогло и покровительство племянницы Обольянинова, молодой дѣвицы-сироты, имѣвшей большое вліяніе на старика-дядю, и полюбившей Сперанскаго за его умъ и пріятную бесѣду. По представленію Обольянинова, Сперанскій, оставаясь въ прежней должности, назначенъ былъ еще секретаремъ Андреевскаго ордена съ жалованьемъ 1,500 р., а чрезъ полгода за срочно-быстрое составленіе одного устава генералъ-прокуроръ выпросилъ своему экспедитору двѣ милости вдругъ: 2,000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи и орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Когда товарищи его по зависти громко возопили противъ этихъ наградъ, графъ Паленъ сказалъ имъ: «попробуйте быть такими-же *орлами*, какъ онъ, и вамъ то-же самое будетъ». Въ эту эпоху одинъ изъ товарищей Сперанскаго такъ отзывался о немъ: «Не постигаю этого человѣка. Онъ повидимому слился со мною; сердца наши какъ-будто соединились. Глядь! какъ налимъ ускользнулъ изъ рукъ!» Такая черта въ его характерѣ объясняется обстоятельствами того времени, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ довѣрчивъ къ людямъ: «дай Богъ, писалъ онъ къ одному другу, чтобъ ко мнѣ имѣли столько-же довѣрія, сколько я его къ другимъ имѣю». Что онъ часто прибѣгалъ къ лести и угодливости, хотя самъ не дорожилъ людьми съ такими качествами, сознавая ихъ внутреннюю пустоту, и что заочно насмѣхался надъ тѣми лицами, которыхъ въ глаза превозносилъ, эти черты нечужды были характеру Сперанскаго.

III.

При испытаніи удовольствій и огорченій въ гражданской жизни, Сперанскому суждено было испытать какъ величайшую радость, такъ и сильнѣйшую грусть и въ семейной жизни.

Еще въ дѣтствѣ, въ своемъ Черкутинѣ онъ познакомился съ Самборскимъ, духовникомъ и законоучителемъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей, который пріѣзжалъ туда съ владѣльцемъ села, княземъ Н. И. Салтыковымъ, воспитателемъ тѣхъ-же Великихъ Князей, и, бывая въ домѣ его родителей, любовался бѣленькимъ малюткою, бралъ его на руки, разговаривалъ съ нимъ, и звалъ къ себѣ въ Петербургъ. Этотъ Самборскій былъ прежде священникомъ при русской миссіи въ Лондонѣ, и близко сошелся съ однимъ семействомъ, къ которому принадлежала Елисавета Андреевна Стивенсъ, вдова пастора съ двумя дочерями, Елисаветою и Маріанною, и сыномъ Франсисомъ, разслабленнымъ отъ рожденія. Когда Самборскій возвратился въ отечество, братъ вдовы, бывшей въ несчастномъ положеніи, просилъ его въ письмѣ объ опредѣленіи сестры, прекрасно образованной, на службу въ какое-нибудь казенное женское учебное заведеніе въ Петербургѣ: ей и найдено было мѣсто гувернантки не въ казенномъ заведеніи, а въ частномъ домѣ графа А. П. Шувалова. Г-жа Стивенсъ прибыла поэтому въ Петербургъ, и чрезъ нѣсколько времени выписала изъ Англіи и своихъ дѣтей: сироты оставались тамъ на попеченіи доброй няни, которая и въ Петербургѣ въ первое время содержала ихъ собственными средствами, согласившись выйти замужъ за посватавшагося на ней англичанина Скота, мастероваго канатной фабрики, на томъ условіи, чтобы питомцы ея оставались при ней. Дочери скоро помѣщены были въ частный пан-



*

сіонъ, откуда въ праздники и въ каникулы старшая изъ нихъ Елисавета нерѣдко посѣщала полюбившую ее графиню Шувалову и домъ Самборскихъ. Сперанскій, часто бывая по дѣламъ службы у своего начальника въ Павловскѣ, любимомъ мѣстопребываніи Государя, заѣзжалъ и къ Самборскому, жившему лѣтомъ вблизи Павловска. Одинъ разъ, во время ужина, онъ увидѣлъ противъ себя дѣвицу, отличавшуюся правильною и нѣжною красотою съ меланхолическимъ выраженіемъ въ лицѣ, и такъ былъ очарованъ ея мечтательнымъ взглядомъ, кроткою улыбкою, свѣтлорусыми кудрями, душевною чистотою и скромностію, отражавшимися въ чертахъ ея лица, что въ мысляхъ обручился уже съ незнакомкою: это была Елисавета Стивенсъ. Вотъ какъ самъ онъ разсказывалъ объ этомъ: «Мнѣ казалось, что я тутъ только впервые въ жизни почувствовалъ впечатлѣніе красоты. Дѣвушка говорила съ сидѣвшею возлѣ нея дамою поанглійски и обворожительно гармоническій голосъ довершилъ дѣйствіе, произведенное на меня ея наружностію. Одна лишь прекрасная душа можетъ издавать такіе звуки, подумалъ я, и если хоть слово произнесетъ на знакомомъ мнѣ языкѣ это прелестное существо, то оно будетъ моею женою. Никогда въ жизни не мучили меня такъ сомнѣніе и нетерпѣливость узнать мою судьбу, пока на вопросъ, сдѣланный кѣмъ-то изъ общества пофранцузски, дѣвушка закраснѣвшись отвѣчала тоже пофранцузски съ замѣтнымъ правда англійскимъ удареніемъ, но правильно и свободно. Съ этой минуты участь моя была рѣшена, и, не имѣя понятія ни о состояніи и положеніи дѣвушки, ни даже о томъ, какъ ее зовутъ, я тутъ же въ душѣ съ нею обручился. Послѣ по разспросамъ мнѣ стало извѣстно, кто моя тайная обрученная, а также, что у нея ничего нѣтъ; слѣдственно надо было сперва размыслить о возможной для насъ будущности и о средствахъ къ существованію. Я представился матери, успѣлъ возбудить склонность въ дочери, и чрезъ

годъ, когда мнѣ показалось, что у насъ будетъ довольно, чтобъ жить вдвоемъ, сдѣлался счастливѣйшимъ изъ супруговъ». Бракъ его совершился 3-го ноября 1798 года (въ слѣдъ за производствомъ его въ коллежскіе совѣтники), въ церкви Сампсонія-страннопріимца, что на Выборгской сторонѣ; въ числѣ свидѣтелей подписались: титулярный совѣтникъ Столыпинъ и губернскій секретарь Цейеръ.

Соединенные въ одну чету одною пламенною любовію, молодые супруги не только жили согласно, но блаженствовали, не зная мѣры своему счастію. Ограниченности матеріяльныхъ средствъ они умѣли противопоставить умѣренный образъ жизни, оба напередъ пріученные къ лишеніямъ всякаго рода. Квартира ихъ въ Большой Морской была маленькая, и первое обзаведеніе чрезвычайно скромное, но приличное. Прислуга состояла изъ дешевой кухарки и мальчика, который не иначе причесывалъ своего барина по тогдашней модѣ, какъ взлѣзши на скамейку. Къ столу каждый день готовились два блюда, и только по воскресеньямъ къ нимъ прибавлялся жирный пуддингъ, который, какъ англійское лакомство, приготовляла сама молодая хозяйка. Нечего и говорить о томъ, что первое число каждаго мѣсяца было для нихъ завѣтнымъ числомъ, какъ отрадная надежда получить жалованье. Мужъ работалъ много и ревностно; жена съ умѣньемъ вела свое маленькое хозяйство, разсчитывая строго каждую копейку. Они могли даже взять къ себѣ изъ состраданія одну бѣдную сиротку, тринадцатилѣтнюю дѣвочку; а для Цейера, ихъ бѣднаго друга и постояннаго гостя, всегда былъ приборъ за столомъ, по воскресеньямъ же присоединялся къ нему еще одинъ или два пріятеля. Когда г-жа Стивенсъ, вскорѣ послѣ свадьбы дочери, уѣхала съ своею воспитанницею, вышедшею замужъ за князя Дитрихштейна, въ Вѣну, то единственною подругою Елисаветы Андреевны осталась г-жа Вейкардтъ, дочь банкира Амбургера, жена домашняго докто-

ра Шуваловыхъ. Михаилъ Михайловичъ также имѣлъ свой кругъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ были и Англичане: такъ онъ велъ знакомство съ пасторомъ Питтомъ, по связи Стивенсовъ съ г-жею Питтъ, которая была лектрисою при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, и пользовалась особеннымъ расположеніемъ Императора Александра I. Тихо и счастливо текла жизнь согласныхъ супруговъ. Мужъ выучился у жены англійскому языку, на которомъ послѣ могъ свободно изъясняться и писать; отъ нея же онъ усвоилъ многія привычки англійской домашней жизни, которымъ былъ вѣренъ до смерти. Но недолго Сперанскій наслаждался семейнымъ счастіемъ: всего одиннадцать мѣсяцевъ.

Будучи еще невѣстою, Елисавета Андреевна поѣхала разъ съ матерью къ княгинѣ Дитрихштейнъ, жившей на дачѣ по Петергофской дорогѣ. На переѣздѣ понесли лошади, и карета опрокинулась. Елисавета Андреевна получила ушибъ: ей вдавило въ грудь довольно массивные часы, подаренные женихомъ въ день ихъ помолвки, съ такою силою, что они тотчасъ же остановились. Ушибъ замѣтно подѣйствовалъ на ея здоровье; но она скрыла его послѣдствія, и въ назначенное время свадьба была совершена. Послѣдовало семейное счастіе, о которомъ сказано выше, и которое дополнилось потомъ рожденіемъ дочери, необыкновенно обрадовавшимъ отца. Вдругъ у матери началась чахотка. Болѣзнь такъ быстро развивалась, что черезъ мѣсяцъ — едва вѣрится — Елисаветы Андреевны не стало на свѣтѣ. Роковой ударъ послѣдовалъ такъ внезапно, что несчастный мужъ, не полагавшій въ положеніи больной жены ничего опаснаго, былъ въ это время по дѣламъ службы въ Павловскѣ, и даже не видѣлъ, какъ исходилъ послѣдній вздохъ, въ присутствіи только г-жи Вейкартъ, у его обожаемой жены. Возвратясь домой, онъ нашелъ уже остывшій трупъ. Что происходило тогда въ его душѣ, описать невозможно. Онъ написалъ записку, въ которой нарекалъ дочь свою Елиса-

ветою, и письмо къ Амбургерамъ, въ которомъ просилъ не отыскивать его—и исчезъ. Нельзя было не прійти къ мысли, что несчастный лишитъ себя жизни; но на другой день утромъ онъ стоялъ у гроба съ всклокоченными волосами и страшно измѣнившимся лицомъ. Приложившись къ тѣлу, онъ опять пропалъ. На слѣдующій день снова явился, лобызалъ дорогой прахъ, и снова исчезъ. Затѣмъ выносъ на Смоленское кладбище совершился уже безъ него. Убитый горемъ, онъ не являлся ни домой, ни на службу, ни къ знакомымъ. Гдѣ же онъ былъ? и что съ нимъ случилось? Онъ глубоко погрузился въ свою печаль на одномъ изъ невскихъ острововъ, гдѣ и отысканъ былъ чрезъ нѣсколько недѣль. Сохранилось письмо, писанное имъ изъ этого убѣжища къ одному другу: прочитаемъ его. «И время меня не утѣшаетъ. Вотъ третья недѣля наступаетъ, какъ я проснулся, и горести мои каждый день возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ я обнимаю ужасъ моего состоянія. Тщетно призываю я разумъ, онъ меня оставляетъ; одно воображеніе составляетъ всѣ предметы моего размышленія. Минуты забвенія мелькаютъ иногда, но малость, самая малость, ничтожество ихъ разсыпаетъ, и я опять пробуждаюсь, чтобъ чувствовать, чтобъ находить *ее* вездѣ предо мною, говорить съ нею: приди ко мнѣ, о ангелъ мой!—да, теките, придите ко мнѣ, любезныя слезы, единое мое утѣшеніе. Нѣтъ, мой другъ! не могу еще я писать; еще я далекъ отъ истиннаго умиленія; все, что могу я вамъ сказать, есть только то, что здѣсь я сохну и грущу болѣе, нежели въ городѣ. Причина сему очевидна.... Сердце мое благодаритъ васъ за два письма. — Принимаясь за перо, я чувствовалъ себя въ силахъ дать волю моему воображенію Но вижу, что я обманулся: рано для меня это утѣшеніе. — Пріѣхавъ въ городъ, первое мое движеніе будетъ ѣхать къ ней, поклониться моему ангелу. Сколько разъ клялся я ей не разставаться! — Жестокое дитя, немилосердые

друзья; одинъ ударъ, одно мгновенье—и я бы разложился. Прахъ мой смѣшался бы съ нею. Нѣтъ, не могу еще писать.—Прощай, добрый, единственный другъ! Я возвращусь въ понедѣльникъ, можетъ-быть, къ вечеру, а вѣрно во вторникъ. Я возвращусь — она меня уже не встрѣтитъ — я поѣду искать ее.—Стыжусь самого себя, но не могу...»

Богъ знаетъ, что было бы съ Сперанскимъ, если бы у него не осталась младенецъ-дочь, на которую онъ и обратилъ теперь все свое вниманіе! Полагая совершенно неудобнымъ оставить милую малютку у себя въ квартирѣ съ одною кормилицею, печальный отецъ отдалъ ее на попеченіе г-жѣ Скотъ, жившей на фабрикѣ на Выборгской Сторонѣ противъ Аптекарскаго острова, а самъ переѣхалъ на другую квартиру на Англійской набережной, чтобы и не видѣть прежняго жилища съ неизбѣжными его напоминаніями о прошломъ. Въ свободное отъ служебныхъ занятій время онъ постоянно ѣздилъ на фабрику, чтобы взглянуть тамъ на свою дорогую сиротку, а въ часы недосуга посылалъ туда Цейера освѣдомляться о здоровьи милаго ребенка. Чрезъ нѣсколько времени, выписавъ изъ Вѣны тещу съ ея дѣтьми, онъ перевезъ къ себѣ и свою дочь, для которой только и рѣшился жить съ г-жею Стивенсъ, женщиною заносчиваго и несноснаго характера. Благоговѣя къ памяти умершаго друга, онъ благодѣтельствовалъ тѣмъ лицамъ, которыя были къ ней близки. Ту дѣвушку, которая убирала прекрасные волосы покойной, онъ выдалъ замужъ съ приданымъ и вполнѣ устроилъ будущность ея семейства. Сдѣлался лучшимъ другомъ доктора Вейкардта, пользовавшаго покойную, и во всю жизнь благодѣтельствовалъ его семейству. Свою же грусть старался заглушить, или по крайней мѣрѣ ослабить, при посредствѣ служебныхъ занятій, которыхъ у него теперь прибавилось, когда въ томъ-же году онъ назначенъ былъ правителемъ канцеляріи коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами съ оставленіемъ и въ прежней должности.

IV.

Въ началѣ царствованія Императора Александра I, особенное значеніе получилъ Димитрій Прокофьевичъ Трощинскій, назначенный, сверхъ другихъ должностей, докладчикомъ и главнымъ редакторомъ при лицѣ Государя. Для составленія государственныхъ актовъ по послѣдней обязанности, ему нуженъ былъ чиновникъ умный и владѣющій перомъ: Аверинъ, домашній человѣкъ у Трощинскаго, братъ бывшаго начальника нашего экспедитора, указалъ на Сперанскаго. 19 марта 1801 года данъ былъ сенату слѣдующій указъ: «Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть при нашемъ тайномъ совѣтникѣ Трощинскомъ, у исправленія дѣлъ на него по довѣренности нашей возложенныхъ, статскому совѣтнику Сперанскому, съ званіемъ нашего статсъ-секретаря и съ жалованьемъ по 2,000 р. на годъ изъ нашего кабинета; получаемое же имъ до сего, по должности правителя канцеляріи коммиссіи о снабженія резиденціи припасами, жалованье по 2,000 р. на годъ обратить ему въ пенсіонъ по смерть.» Въ концѣ того-же мѣсяца образованъ былъ при Дворѣ постоянный совѣтъ для разсматриванія «важныхъ государственныхъ дѣлъ», и Трощинскому, по званію члена этого совѣта, поручено было главное завѣдываніе его канцеляріею. Сперанскій назначенъ былъ тогда начальникомъ третьей ея экспедиціи по части гражданской и духовной, и на третій мѣсяцъ пожалованъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. При нѣкоторыхъ уже заслугахъ, не явно ли благопріятствовало ему и такъ называемое счастіе: всего этого онъ достигъ въ четыре съ половиною года гражданской своей службы? Теперь онъ занялся составленіемъ всѣхъ манифестовъ, указовъ и другихъ государственныхъ актовъ: практиковался въ дѣловыхъ бумагахъ, знакомился съ высшими государственными вопросами и изучалъ тогдашнихъ государственныхъ людей.

Учрежденіе министерствъ, послѣдовавшее 8 сентября 1802 года, проложило Сперанскому новую дорогу, и тѣмъ особенно было важно для него, что подало поводъ къ спору о немъ между двумя государственными мужами, который рѣшенъ былъ самимъ Государемъ. Въ умахъ нѣсколькихъ лицъ, приближенныхъ къ Монарху, въ томъ числѣ и графа В. П. Кочубея, возникла мысль учредить въ Россіи министерства, какія были тогда и въ другихъ государствахъ; хотя приверженцы старины, въ томъ числѣ и Трощинскій, не могли сочувствовать этимъ новымъ формамъ государственной жизни. Кочубею, какъ будущему министру внутреннихъ дѣлъ, нуженъ былъ человѣкъ, который бы занялся приготовительными работами къ образованію его будущаго министерства. Искусный въ выборѣ людей, онъ тотчасъ остановился на Сперанскомъ, имя котораго гремѣло уже въ чиновничьемъ мірѣ, и втайнѣ поручилъ ему эти работы. Сперанскій охотно взялся за нихъ и, сказавшись больнымъ, перестaлъ являться на службу: онъ разсчиталъ, что ему гораздо выгоднѣе служить при образованномъ, свѣтскомъ и знатномъ вельможѣ, притомъ любимцѣ Государя, чѣмъ при начальникѣ хотя умномъ и дѣльномъ, но зачерствѣломъ въ старой приказной колеѣ, съ отсталыми понятіями, несогласовавшимися съ направленіемъ новаго царствованія, при человѣкѣ кромѣ-того, звѣзда котораго клонилась уже къ паденію. Когда узналъ объ этомъ Трощинскій, именно когда узналъ, что и помимо его дѣлаются государственныя дѣла, и что ему приходится лишиться въ лицѣ Сперанскаго правой своей руки; то сильно сталъ настаивать на томъ, чтобы Сперанскому по крайней мѣрѣ дозволено было служить въ обоихъ вѣдомствахъ вмѣстѣ. По этому случаю въ одномъ изъ докладовъ своихъ Кочубей писалъ Государю: «Сперанскій долженъ необходимо состоять исключительно при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и быть поставленъ внѣ всякаго прикосновенія къ преж-

нему мѣсту своего служенія. Зависимость отъ двухъ начальниковъ была бы неумѣстна даже и при дѣйствіи обоихъ по одинаковымъ началамъ, а о г. Трощинскомъ извѣстно напротивъ, что онъ есть одинъ изъ самыхъ упорныхъ порицателей и враговъ нововводимой системы. Слѣдственно если Вашему Величеству угодно, чтобы Сперанскій оставался и при г. Трощинскомъ, то министерству внутреннихъ дѣлъ должно будетъ отъ него отказаться и пріискать для себя другаго производителя дѣлъ». Государь рѣшилъ такъ: «статсъ-секретарю Сперанскому быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ». Это повелѣніе послѣдовало въ одинъ день съ изданіемъ манифеста о министерствахъ.

Назначенный управлять второю экспедиціею департамента по государственному благоустройству, Сперанскій на дѣлѣ былъ душою всего департамента, и дѣлалъ разныя перемѣны, а еще болѣе предполагалъ ихъ сдѣлать. Но какъ ему, такъ и самому министру, ничѣмъ прежде неуправлявшимъ, пришлось теперь учиться на самыхъ своихъ реформахъ и въ сознаніи своей неопытности сдерживать свои порывы. Сперанскій зналъ, что многое у насъ въ управленіи было нехорошо; но какъ и чѣмъ лучшимъ-новымъ замѣнить было нехорошее-старое? вотъ вопросъ, который трудно было ему рѣшить тогда. При всемъ томъ министерство внутреннихъ дѣлъ, вѣрное проектамъ новыхъ постановленій, писаннымъ Сперанскимъ, далеко опередило въ это время другія министерства. Какъ на полезные плоды его дѣятельности, можно указать на учрежденіе класса свободныхъ хлѣбопашцевъ, на распространеніе тонкорунпаго овцеводства, на пособіе государственному казначейству почтовымъ сборомъ, на вольный промыселъ солью, на возвышеніе Одессы, на новое управленіе медицинскою частью. Это министерство кромѣ-того первое стало издавать оффиціальный журналъ подъ названіемъ «С-Петербургскаго», въ которомъ впервые стали печататься во всеобщее свѣдѣніе от-

четы министра Государю: они выходили, разумѣется, изъ-подъ искуснаго пера Сперанскаго, который сталъ замѣнять новыми формами старинный приказный нашъ языкъ, измѣнивъ такъ называемый дѣловой слогъ. Щедрыя милости излились на Сперанскаго по ходатайству Кочубея: онъ получилъ аренду на 12 лѣтъ въ Лифляндской губерніи, приносившую ежегоднаго дохода болѣе 12,000 р. асс.; потомъ пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-ей степени помимо низшей, а чрезъ четыре мѣсяца послѣ этого—орденомъ св. Анны 1-й степени.

Во время болѣзни Кочубея, доклады Государю дѣлалъ Сперанскій. Это былъ первый поводъ и лучшій случай къ сближенію его съ Монархомъ, который и до этого впрочемъ уже осчастливилъ его порученіемъ—составить планъ общаго образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи. Александръ I такъ былъ очарованъ отчетливостію докладовъ, ловкостію и смѣтливостію въ исполненіи повелѣній своего статсъ-секретаря, умѣвшаго на лету ловить и угадывать каждое слово, что съ этого времени сталъ давать ему разныя личныя порученія, уволивъ его, можетъ-быть,по этому самому изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.—По высочайшему повелѣнію былъ составленъ комитетъ для изысканія способовъ къ усовершенствованію духовныхъ училищъ и къ улучшенію содержанія духовенства. Въ числѣ шести членовъ этого комитета, духовныхъ и свѣтскихъ, былъ и Сперанскій, принявшій самое живое участіе въ его дѣйствіяхъ, какъ хорошо знавшій устройство и недостатки духовныхъ училищъ. Опредѣлены были въ главныхъ чертахъ предметы и кругъ преподаванія, порядокъ управленія въ составѣ отдѣльномъ отъ гражданскаго вѣдомства и раздѣленіе училищъ по степенямъ на академіи, семинаріи и низшія училища, изъ которыхъ послѣднія, подраздѣлившись вновь на уѣздныя и приходскія, были значительно умножены, такъ-что въ каждой епархіи

полагалось ихъ—10 уѣздныхъ и 30 приходскихъ. Сперанскому пришла тогда мысль, въ продолженіе полувѣка никому не приходившая въ голову, возстановить право церквей на исключительную продажу восковыхъ церковныхъ свѣчъ, дарованное имъ Петромъ Великимъ и утраченное со времени таможеннаго устава 1755 г., дозволявшаго и крестьянамъ торговать церковными свѣчами. Въ духовное вѣдомство поступили такимъ образомъ огромные капиталы, послужившіе къ улучшенію содержанія какъ училищъ, такъ и причтовъ, безъ отягощенія казны и народа. Въ то-же время онъ написалъ «*Начертаніе правилъ*» объ образованіи духовныхъ училищъ и о содержаніи духовенства, поднесенное Государю оберъ-прокуроромъ княземъ Голицынымъ, и при этомъ награжденъ былъ за свои труды орденомъ св. Владиміра 2-й степени, въ грамотѣ на который было сказано: «всякаго рода порученія вы исполняете всегда къ удовольствію Нашему». Тогда же, какъ членъ коммиссіи духовныхъ училищъ, учрежденной въ видѣ постояннаго установленія, онъ взялъ на себя составить *уставы* всѣхъ духовныхъ училищъ; хотя написалъ только первую часть проекта академическаго устава и планъ двухъ слѣдующихъ, по множеству другихъ занятій не имѣя возможности продолжать свой трудъ, конченный впослѣдствіи калужскимъ архіепископомъ Ѳеофилактомъ. Около того-же времени онъ написалъ и *уставъ* для открывавшагося тогда царскосельскаго лицея, которымъ впервые въ Россіи воспрещались тѣлесныя наказанія; по крайней мѣрѣ въ одномъ письмѣ его сказано: «училище сіе образовано и уставъ его написанъ мною, хотя и присвоили себѣ работу сію другіе».—По тильзитскому трактату, къ Россіи присоединена была Бѣлостокская область. Сенаторъ Тейльсъ командированъ былъ туда, чтобы принять эту область, привести жителей ея къ присягѣ на подданство Россіи и сдѣлать нужныя распоряженія. По дѣламъ, требовавшимъ высочай-

шаго разрѣшенія, ему велѣно было вносить доклады чрезъ Сперанскаго. Послѣдній, получая отъ Тейльса разныя данныя по предположеніямъ къ образованію присоединенной страны, написалъ «*Положеніе объ управленіи Бѣлостокскою областію*», утвержденное потомъ Государемъ.—Полюбивъ своего статсъ-секретаря, Государь бралъ его съ собою во время своихъ поѣздокъ, что еще болѣе послужило къ ихъ сближенію. Такъ Сперанскій сопровождалъ Государя въ Витебскъ, куда Монархъ отправлялся для осмотра 1-й арміи, и въ Эрфуртъ, гдѣ происходило свиданіе русскаго Императора съ Наполеономъ. Въ Эрфуртѣ Сперанскій обратилъ на себя особенное вниманіе Наполеона, и съ этого времени началось высшее его значеніе и величіе. Когда по завоеваніи Великаго Княжества Финляндскаго Александръ I отправился въ новопріобрѣтенный край, и оставался тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, Сперанскій неотлучно былъ при немъ, особенно въ Борго: писалъ рѣчи (на французскомъ языкѣ) на открытіе и закрытіе тамошняго сейма; велъ бумаги по финляндскимъ дѣламъ, просиживая надъ ними по цѣлымъ днямъ въ комнатѣ передъ кабинетомъ Государя, занимавшаго маленькую квартиру; на сеймѣ разсуждалъ съ Финляндцами объ устройствѣ ихъ совѣта или сената. Разсказывали съ изумленіемъ, какъ Сперанскій, получившій проектъ этого учрежденія въ день, назначенный для поднесенія къ высочайшему подписанію, исправлялъ его и съ французскаго языка переводилъ на русскій въ пріемной Государя среди шума и разговоровъ ожидавшихъ лицъ. На Сперанскаго возложено было и управленіе коммиссіею по дѣламъ финляндскимъ съ докладомъ объ нихъ Государю; но потомъ по его же мыслямъ для управленія Финляндіею назначенъ былъ особый статсъ-секретарь (баронъ Ребиндеръ) и особый предсѣдатель коммиссіи (графъ Армфельдъ), а самъ онъ остался только канцлеромъ Абоскаго (впослѣдствіи Гельсингфорскаго) университета. Въ

послѣднемъ онъ памятенъ слѣдующими дѣлами: по его ходатайству, на постройку университета пожаловано было 20,000 р. сер.; обезпечено положеніе вдовъ и сиротъ университетскихъ чиновъ съ увеличеніемъ многимъ изъ нихъ самыхъ окладовъ; бѣднымъ студентамъ назначены пособія и даны средства для умноженія библіотеки и кабинетовъ; къ предметамъ ученія прибавлены главные европейскіе языки, въ томъ числѣ и русскій, и увеличено число профессоровъ и адъюнктовъ.—Во время совокупнаго дѣйствія Россіи съ Франціею противъ Австріи, главнокомандовавшему тогда нашею арміею князю С. Ѳ. Голицыну писаны были Сперанскимъ помимо военнаго министра Аракчеева такіе рескрипты, содержаніе которыхъ по направленію военныхъ дѣйствій требовало глубокой тайны: доказательство неограниченнаго довѣрія Александра I къ своему статсъ-секретарю, отъ котораго онъ не скрывалъ и самыхъ сокровенныхъ своихъ мыслей.—Замѣчательны два указа, касавшіеся—одинъ придворныхъ званій, другой экзаменовъ на гражданскіе чины, оба объявленные въ 1809 году, въ которомъ и Сперанскій произведенъ былъ въ тайные совѣтники. Придворныя званія камеръ-юнкера и камергера со времен Екатерины II давали прямо чины 5-го и 4-го классовъ, хотя бы получены были въ самой колыбели. Молодымъ людямъ знатнѣйшихъ фамилій безъ труда и службы можно было достигать высшихъ чиновъ, а съ этими чинами при поступленіи на службу—занимать прямо высшія мѣста. Такой несправедливости и такому злу положенъ былъ конецъ первымъ указомъ, рѣшеннымъ единственно между Сперанскимъ и Государемъ: имъ повелѣвалось, чтобы камергеры и камеръ-юнкеры, не состоящіе нигдѣ на дѣйствительной службѣ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ избрали себѣ родъ службы, въ противномъ случаѣ будутъ отставлены, и чтобы впредь смотрѣть на эти придворныя званія, какъ на отличія, но не приносящія ни-

какого чина. Отъ такого постановленія вздрогнула тогдашняя наша аристократія и возстала противъ дерзкаго нововводателя, который впрочемъ, чувствуя правоту дѣла, нисколько не испугался ея ропота. Сильно завопилъ противъ Сперанскаго и тогдашній чиновничій міръ, когда обнародованъ былъ второй указъ, которымъ повелѣвалось не производить впредь въ чины коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника лицъ, не имѣющихъ университетскаго свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи курса наукъ, или не выдержавшихъ экзамена по программѣ, приложенной къ указу. Указъ этотъ вызванъ былъ слѣдующими обстоятельствами: чины, означавшіе при Петрѣ Великомъ самыя должности (напримѣръ, коллежскій секретарь—секретарь коллегіи), сдѣлались впослѣдствіи почетными только титулами, какъ награды за службу, когда назначены были сроки выслуги для производства въ чины—при Екатеринѣ II до коллежскаго ассессора, а при Павлѣ I до статскаго совѣтника. Съ другой стороны, обнародованное послѣ учрежденія министерства народнаго просвѣщенія постановленіе, чтобы никто не былъ опредѣляемъ къ должности, не кончивъ курса въ общественномъ или частномъ заведеніи, не могло имѣть надлежащаго приложенія, потому-что поступавшихъ въ новооткрытыя учебныя заведенія было менѣе, чѣмъ предполагало правительство, что происходило какъ отъ равнодушія къ наукѣ, такъ и отъ безпечности, свойственной русскому характеру. Сперанскому пришла тогда мысль употребить чины, къ которымъ уже сильно привыкли и съ которыми соединялась карьера по службѣ, какъ средство, хотя и понудительное, для возбужденія стремленія къ образованію: эту мысль онъ сообщилъ Государю, и наединѣ съ нимъ приготовилъ указъ, такъ-что графъ Аракчеевъ, одинъ только знавшій о немъ, едва успѣлъ до изданія указа исходатайствовать нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ завѣтные чины коллежскаго ассессора и статскаго

совѣтника. Много было неудобствъ въ практическомъ примѣненіи этого указа, напримѣръ, дѣловымъ и опытнымъ чиновникамъ 9-го класса, но безъ аттестатовъ приходилось подчинять чиновниковъ 8-го и 5-го классовъ съ аттестатами, но безъ навыка и дѣловыхъ способностей; но несомнѣнная польза его была та, что въ Россіи стали учиться, что возбуждено было стремленіе давать юношеству приличное образованіе, такъ-что съ теченіемъ времени самыхъ казенныхъ учебныхъ заведеній, какъ ни умножали ихъ числа, стало недостаточно. При всемъ томъ справедливо было и слѣдующее положеніе Карамзина, возставшаго противъ указа объ экзаменахъ: «Вмѣсто сего постановленія, надлежало бы только исполнить сказанное въ уставѣ университетскомъ, что впредь молодые люди, вступая въ службу, обязаны предъявлять свидѣтельства о своихъ занятіяхъ. Отъ начинающихъ можно всего требовать; но кто уже давно служитъ, съ тѣмъ нельзя по справедливости дѣлать новыхъ условій для службы: онъ посѣдѣлъ въ трудахъ, въ правилахъ чести и въ надеждѣ имѣть нѣкогда чинъ статскаго совѣтника, ему обѣщанный закономъ, а вы нарушаете сей контрактъ государственный...» Въ порывѣ негодованія, Карамзинъ увлекся до того, что навязывалъ программѣ и, такіе предметы для испытаній, какихъ въ ней не было какъ напримѣръ, греческій языкъ, а самаго автора уличалъ даже въ грамматическихъ ошибкахъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя дѣятельность Сперанскаго по разнымъ преобразованіямъ въ государствѣ. Еще въ началѣ своего царствованія Императоръ Александръ I задумалъ эти преобразованія. Мысль объ нихъ постоянно его занимала, но съ особенною силою стала дѣйствовать въ немъ послѣ посѣщенія Эрфурта, гдѣ онъ вмѣстѣ съ своимъ статсъ-секретаремъ очарованъ былъ какъ Наполеономъ, такъ и всѣмъ французскимъ. Изъ сравненія русскаго съ французскимъ еще яснѣе увидѣлъ онъ необ-

ходимость задуманныхъ имъ преобразованій въ своемъ государствѣ, гдѣ все казалось дурно, и потому требовало передѣлки. Государь поручилъ это важное дѣло Сперанскому; самую же идею его сообщилъ ему во время частыхъ разговоровъ и разсужденій съ нимъ о реформахъ, во время чтенія разныхъ сочиненій по этому предмету, для чего нерѣдко посвящались ими цѣлые вечера. Любимецъ Императора чувствовалъ теперь свою силу; видѣлъ, что онъ поставленъ внѣ всякихъ постороннихъ стѣснительныхъ вліяній; видѣлъ, что пользуется необыкновенною милостію и довѣренностію Монарха, и что слѣдовательно можетъ самостоятельно и смѣло дѣйствовать на новомъ поприщѣ. Въ то-же время онъ понялъ, въ чомъ дѣло; понялъ, что дѣло касается какъ русскихъ законовъ, о которыхъ у него неоднократно была рѣчь и съ Талейраномъ въ Эрфуртѣ, такъ и государственнаго управленія вообще. Съ необыкновеннымъ жаромъ онъ взялся за это дѣло, и сначала составилъ *записку*, равнявшуюся цѣлой книгѣ, о свойствѣ и предметахъ государственныхъ законовъ вообще, о раздѣленіи ихъ на преходящіе и коренные и о примѣненіи тѣхъ и другихъ къ разнымъ степенямъ власти. Въ слѣдъ за тѣмъ приступилъ къ колоссальной работѣ, къ составленію *плана новаго государственнаго управленія* во всѣхъ его частяхъ, отъ кабинета Государева до волостнаго управленія, и повелъ ее такъ быстро, что въ началѣ слѣдующаго года планъ былъ уже представленъ Государю. Въ то-же время въ коммиссіи законовъ, гдѣ до него баронъ Розенкампфъ неуспѣшно велъ дѣло, закипѣла работа: каждому начальнику отдѣленія дана была особая часть по составленію законовъ; всѣмъ указанъ былъ общій планъ дѣйствій и порядокъ по частнымъ работамъ; всѣ работы самъ онъ пересматривалъ и повелъ ихъ опять такъ быстро, что въ самое непродолжительное время поднесенъ былъ Государю и *проектъ гражданскаго уложенія.* Сперанскій

сильно работалъ также и надъ *планомъ финансовъ,* которые требовали исправленія и лучшаго устройства, такъкакъ дефицитъ доходилъ до огромной цифры: ему нужно было подумать и о томъ, какъ сократить государственныя издержки, установивъ благоразумную экономію, и о томъ, какъ уравнять государственные расходы съ доходами, и о томъ, какъ повести постепенную уплату государственныхъ долговъ, и о томъ, какъ устроить равновѣсіе между звонкою монетою и бумажными ея представителями, и о томъ, какое устройство дать внѣшней нашей торговлѣ. Въ рѣшеніи этого важнаго государственнаго вопроса онъ встрѣтилъ для себя величайшее затрудненіе уже потому, что самъ былъ неопытенъ въ дѣлѣ государственнаго хозяйства; но онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые никогда не отступаютъ ни отъ какого труднаго дѣла. Что жъ онъ сдѣлалъ? Сталъ читать сочиненія французскихъ и нѣмецкихъ экономистовъ, утверждавшихся на теоріи англійскаго ученаго Адама Смита; сталъ углубляться въ финансовыя идеи и изучать финансовыя операціи; понялъ, сколько могъ, финансовую задачу, и первый у насъ попытался ввести въ практику воззрѣнія иностранныхъ экономистовъ, которыя съ профессорской каѳедры провозглашались уже Балугьянскимъ. Записку, составленную послѣднимъ и касавшуюся устройства у насъ финансовъ, онъ перевелъ съ французскаго языка на русскій, во многомъ измѣнилъ, во многомъ дополнилъ, отдалъ на обсужденіе въ частныхъ совѣщаніяхъ, провелъ чрезъ особый комитетъ, собиравшійся у министра финансовъ: и планъ финансовъ, порученный ему Государемъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, былъ готовъ въ концѣ декабря. Что же изъ всего этого вышло? Планъ новаго государственнаго управленія, въ которомъ рукою самого Императора сдѣланы были многія поправки и дополненія, вышелъ по теоріи прекрасенъ, но неприложимъ къ дѣлу, какъ опережавшій и возрастъ народа, и степень его

образованности и самодѣятельности, не нашедшій слѣдовательно достаточной подготовки въ народѣ: авторъ, по выраженію нѣмецкаго писателя Гейне, хотѣлъ ввести будущее въ настоящее, или, какъ говорилъ Фридрихъ Великій про Іосифа II, дѣлалъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго. Гражданское уложеніе не могло быть удачно какъ потому, что составители его, не исключая и Сперанскаго, не имѣли сами юридической подготовки, такъ и потому, что повели очень спѣшно такое дѣло, для котораго нуженъ былъ многолѣтній трудъ, а главное начали его не съ начала, а съ конца: чтобъ составить новое уложеніе, необходимо напередъ знать прежніе законы, и для этого нужно было прежде собрать ихъ, сдѣлать имъ сводъ, а потомъ уже приступить къ новому уложенію, въ чомъ впослѣдствіи убѣдился и самъ Сперанскій, сознавшій свою ошибку. Но если проекты его не имѣли полнаго осуществленія въ цѣломъ, то все-таки остались не безъ нѣкотораго осуществленія во многихъ частяхъ.—По плану Сперанскаго сдѣлано преобразованіе государственнаго совѣта: опредѣлены предметы, подлежащіе его разсмотрѣнію, какъ напримѣръ: законы и разныя учрежденія, мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ, смѣты государственныхъ приходовъ и расходовъ, отчеты всѣхъ министерствъ; опредѣлены составъ его, порядокъ производства въ немъ дѣлъ, степень его власти и т. п. Совѣтъ составленъ на первый разъ изъ 35 членовъ, и раздѣленъ на четыре департамента: законовъ, дѣлъ военныхъ, дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ, государственной экономіи съ особымъ предсѣдателемъ въ каждомъ; въ общемъ присутствіи предсѣдательствовалъ самъ Императоръ или одинъ изъ членовъ по высочайшему назначенію. Въ департаментахъ докладывали статсъ-секретари, а въ общемъ присутствіи государственный секретарь, который представлялъ и журналы совѣта на высочайшее усмотрѣніе, и управлялъ государственною канцеляріею. До обна-

родованія этого проекта велѣно было хранить новое учреждение государственнаго совѣта въ тайнѣ; на обсужденіе сообщенъ онъ былъ очень немногимъ лицамъ; даже Аракчееву Государь прочиталъ его только наканунѣ обнародованія. Открытіе государственнаго совѣта въ преобразованномъ его видѣ произошло торжественнымъ образомъ: 1 января 1810 года, по полученнымъ повѣсткамъ, собрались во дворецъ въ половинѣ 9-го часа утра члены новаго совѣта, котораго предсѣдателемъ назначенъ былъ графъ Румянцовъ, а государственнымъ секретаремъ — Сперанскій. Въ 9 часовъ въ совѣтъ прибылъ Государь, и съ предсѣдательскихъ креселъ произнесъ рѣчь, сочиненную Сперанскимъ, но собственноручно имъ исправленную. Потомъ государственный секретарь прочиталъ манифестъ объ образованіи совѣта, самое положеніе о немъ, списокъ членовъ и предсѣдателей департаментовъ, списокъ чиновъ канцеляріи и росписаніе дней засѣданій. Засѣданіе кончилось присягою, которую подписали члены новаго совѣта. Съ этого времени начались постоянныя засѣданія въ государственномъ совѣтѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, Государь каждую недѣлю присутствовалъ одинъ разъ въ общихъ собраніяхъ его, а передъ засѣданіемъ принималъ Сперанскаго съ дѣлами и журналами совѣта.—За преобразованіемъ государственнаго совѣта послѣдовало преобразованіе министерствъ, которыхъ было тогда 8: военныхъ сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія. Сперанскій доказалъ важныя несовершенства этихъ министерствъ въ пространной запискѣ, поднесенной имъ Государю: онъ представлялъ, напримѣръ, что соль, какъ предметъ промышленности, должна быть перенесена изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ министерство финансовъ; что министерство коммерціи, какъ вѣтвь народной промышленности, не должно составлять отдѣльнаго министерства, а должно войти

въ составъ министерства финансовъ; что пути сообщенія, принадлежащіе министерству внутреннихъ дѣлъ, по своей важности должны составлять отдѣльное управленіе; что сверхъ министерства финансовъ необходимо учредить особо государственное казначейство и государственный контроль. Вслѣдствіе этого сдѣлано было имъ новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ съ подробнымъ исчисленіемъ предметовъ каждаго министерства, и написано *«Общее учрежденіе министерствъ»*, въ которомъ показаны управленіе и составъ министерствъ, порядокъ опредѣленія, увольненія, производства въ чины и наградъ, порядокъ производства дѣлъ, также степень и предѣлы власти министровъ, ихъ отношенія къ разнымъ другимъ лицамъ и учрежденіямъ, ихъ отвѣтственность и т. п. Этотъ проектъ Сперанскаго былъ обнародованъ и приведенъ въ дѣйствіе; а написанное имъ «Общее учрежденіе министерствъ» и до сихъ поръ стоитъ неподвижно не только въ главныхъ началахъ, но почти и во всѣхъ подробностяхъ, такъ-что творецъ его съ благородною гордостію могъ говорить: «Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и столь твердымъ.» — Въ планѣ финансовъ, разсуждая о составленіи капитала для погашенія государственныхъ долговъ, онъ пришелъ къ мысли о необходимости учредить *коммиссію погашенія долговъ*: и она, тогда же учрежденная, хотя впослѣдствіи преобразованная, навсегда осталась во главѣ финансоваго нашего законодательства. Разсуждая объ устройствѣ внѣшней нашей торговли, онъ остановился на томъ, какъ сократить привозъ иностранныхъ товаровъ, облегчить и поощрить вывозъ русскихъ товаровъ? выслушалъ соображенія тогдашнихъ почетнѣйшихъ торговыхъ домовъ, и написалъ *«положеніе о нейтральной торговлѣ.»* Постоянный врагъ его, баронъ Розенкампфъ, часто искажавшій самые факты съ цѣлію — очернить предъ

потомствомъ его память, говоря объ этомъ «Положеніи», сознавался однако, что оно составляетъ у насъ новую эпоху въ движеніи нашей промышленности. Въ самомъ дѣлѣ, имъ оживлена была наша торговля, когда съ открытіемъ сѣверныхъ портовъ стали являться къ намъ англійскія суда, оставляя у насъ массу капиталовъ, и вывозя отъ насъ сырыя произведенія. Это «Положеніе» сдѣлалось родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ нашихъ тарифовъ. — При всемъ томъ преобразованія и проекты Сперанскаго вызвали множество толковъ и даже порицаній въ современной публикѣ, какъ это бываетъ и при всякой реформѣ, когда старое замѣняется новымъ, особенно когда новое опережаетъ возрастъ народа, а въ это время уровень нашего народнаго образованія былъ еще очень низокъ. Компиляцію разныхъ мнѣній современниковъ представляетъ собою записка Карамзина, тогдашняго органа общественнаго мнѣнія, написанная для Великой Княгини Екатерины Павловны, и заключающая въ себѣ отважныя, рѣзкія даже язвительныя замѣчанія. По гражданскому уложенію, котораго первыя двѣ части были уже тогда напечатаны, находили (въ томъ числѣ и Карамзинъ), что это переводъ наполеоновскаго кодекса, и тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ на него нападали; многихъ же удивило, даже испугало то, что наши гражданскіе законы заключались въ одной книжкѣ небольшаго формата. Финансовыми своими операціями, особенно возвышеніемъ налоговъ, какъ мѣрою для покрытія государственныхъ долговъ, онъ возбудилъ неудовольствіе и въ народѣ; а враги, которыхъ у него теперь было много, пользуясь этимъ, дѣлали самыя нелѣпыя толкованія исходившихъ отъ него бумагъ по финансовой части. Но если Сперанскій, какъ человѣкъ, во многомъ могъ ошибаться, то нельзя было отнять у него самаго пламеннаго стремленія къ добру, правдѣ, ко всему возвышенному. Вѣрный своему правилу: «не устрашаться ропотомъ, слухами или злословіемъ», онъ безстрашно шелъ къ

своей цѣли; а какъ государственный секретарь, пользовавшійся необыкновеннымъ довѣріемъ Императора, онъ имѣлъ полную возможность дать ходъ своимъ преобразовательнымъ идеямъ, потому-что онъ же проводилъ ихъ чрезъ государственный совѣтъ, а главное, подносилъ на высочайшее утвержденіе, при чомъ при разногласіи членовъ совѣта Государь принималъ его сторону. Если и самому Сперанскому случалось оспаривать какое-нибудь мнѣніе въ государственномъ совѣтѣ, то онъ почти всегда одерживалъ побѣду. Замѣчателенъ при этомъ маневръ его: будто одобряя предложенное мнѣніе, онъ повторялъ доказательства, уже высказанныя другими, даже развивалъ ихъ сильнѣе; но потомъ вдругъ дѣлалъ такой поворотъ мыслей, что мнѣніе получало совсѣмъ другой смыслъ, и такимъ образомъ увлекалъ за собою какъ слушателей, такъ и самого возражателя. Къ такому веденію спора много способствовали: глубокій и тонкій анализъ мыслей, который онъ пріобрѣлъ, занимаясь математическими науками; необыкновенная находчивость отвѣчать на всякое возраженіе; умѣнье внимательно слушать и терпѣніе выждать благопріятнѣйшую минуту для нападенія или отступленія; спокойствіе духа и сила краснорѣчія съ соблюденіемъ уваженія къ другимъ. Только за одинъ проектъ пришлось ему разъ потерпѣть жестокое пораженіе въ государственномъ совѣтѣ, такъ-что онъ долженъ былъ уступить; это былъ проектъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ благочинія.

Послѣ всего этого не изумительна ли была дѣятельность Сперанскаго? Всѣ важнѣйшія государственныя бумаги, манифесты, именные указы, публичные акты выходили изъ-подъ его пера, и большею частію имъ же и задуманы были. При такомъ разнообразіи, при такой многосложности дѣлъ, онъ отличался еще необыкновенною точностію: не былъ спокоенъ, если задуманное имъ не было исполнено, точно какъ если онъ назначалъ кому-нибудь свиданіе, то

никогда не забывалъ и не заставлялъ ждать ни минуты. Надобно удивляться, когда онъ находилъ время не только для отдыха, но и для самыхъ своихъ дѣлъ. Правда, онъ работалъ нерѣдко по 18 часовъ въ сутки, такъ-что по цѣлымъ недѣлямъ не могъ разогнуть спины, и часто не могъ употреблять пищи, не принявъ напередъ лѣкарства. Вотъ какъ у него проходило утро предъ засѣданіемъ государственнаго совѣта: въ 6 часовъ являлся къ нему старшій письмоводитель коммиссіи законовъ, Ѳеодоръ Павловичъ Вронченко (впослѣдствіи министръ финансовъ), на обязанности котораго лежало переводить съ французскаго языка на русскій то, что вносилъ въ коммиссію Розенкампфъ, бывшій начальникомъ отдѣленія; Сперанскій бралъ тетради и не перелистывалъ только ихъ, а читая съ напряженнымъ вниманіемъ, во все вникалъ, исправлялъ, передѣлывалъ, маралъ безпощадно, такъ-что не смотря на его четкій и красивый почеркъ, трудно было разбирать рукопись; потомъ Вронченко приводилъ все въ порядокъ и отдавалъ писцамъ переписать; такимъ образомъ къ началу засѣданія поспѣвало нѣсколько главъ уложенія. Не забудемъ при этомъ, что у Сперанскаго заведено было каждое утро вмѣсто молитвы перевести одинъ листокъ изъ книги Ѳомы Кемпійскаго — *о подражаніи Христу*; и въ теченіи нѣскольскихъ лѣтъ онъ перевелъ три части этой книги. Чтобы восполнить недостатокъ времени, онъ обыкновенно отказывался отъ такихъ частей, по которымъ сдѣлалъ уже свое дѣло и не могъ быть болѣе существенно полезенъ, и которыми могли завѣдывать и другіе. Такъ, желая сложить съ себя званіе члена коммиссіи духовныхъ училищъ, для которыхъ онъ сдѣлалъ уже, что могъ, онъ писалъ въ отчетѣ Государю: «Коммиссія занимается теперь приложеніемъ общихъ правилъ къ подробностямъ. Журналы ея составляютъ цѣлыя стопы бумагъ, къ коимъ безъ пользы и съ потерею времени я долженъ только прикладывать руку.» Въ томъ-

же отчетѣ, желая сложить съ себя и званіе члена лифляндскаго комитета, составившаго уже общія правила по дѣламъ объ отношеніяхъ лифляндскихъ крестьянъ къ помѣщикамъ, онъ писалъ: «Присутствіе мое въ семъ комитетѣ совершенно безполезно, а отнимаетъ много времени. Общія положенія, какъ то: образованіе крестьянскихъ судовъ, могутъ быть сообщаемы въ коммиссію законовъ на заключеніе, и тогда, какъ директоръ коммиссіи, я поставленъ буду въ сношеніе съ президентомъ комитета, не бывъ принужденнымъ слѣдовать безполезно за всѣми подробностями.» Слѣдя за Сперанскимъ, какъ государственнымъ дѣятелемъ, читатель вмѣстѣ съ нимъ утомляется; чтобы нѣсколько отдохнуть, посмотримъ на него въ его домашней и частной жизни.

V.

Когда Сперанскій опять сталъ жить вмѣстѣ съ тещею и ея дѣтьми, то на первыхъ порахъ долженъ былъ испытать такія непріятности, какихъ и не предполагалъ: Маріаннѣ Стивенсъ пришла мысль занять мѣсто покойной своей сестры, т. е. выйти замужъ за Сперанскаго. Она не знала нашихъ законовъ и нашей религіи; не знала, что планъ ея несбыточенъ, хотя ему потворствовала даже сама мать. Кромѣ-того, хотя она бѣла хорошенькая, съ умомъ, живаго и веселаго характера, но очень избалованная и съ такимъ же причудливымъ нравомъ, какъ и мать. Отсюда происходили непріятныя сцены въ домѣ, а разные предосудительные толки расходились и внѣ дома. Сперанскій радъ-радешенекъ былъ, когда за Маріашу посватался Злобинъ, сынъ знакомаго ему откупщика, опредѣленный имъ въ гражданскую службу. Послѣ свадьбы всѣ переѣхали отъ Сперанскаго въ домъ старика Злобина, взявъ съ собою и его сиротку—дочь. Злобинъ не могъ налюбо-

ваться своею невѣсткою, оживлявшею общество, которое у него постоянно собиралось. Но молодые недолго жили вмѣстѣ, менѣе полгода: мужъ вѣчно угрюмый, жена необыкновенно рѣзвая. Думали, что непродолжительная разлука помиритъ супруговъ, и г-жа Стивенсъ съ дочерью отправилась въ Курляндію на воды. Но какъ только мужъ узналъ, что жена съ тещею ѣдутъ обратно въ Петербургъ, тотчасъ подалъ въ отставку, и ускакалъ въ Волжскъ къ дѣламъ своего отца. Маріанна болѣе года попрежнему оставалась у тестя; потомъ вмѣстѣ съ матерью и племянницею отправилась въ Кіевъ: малютка Сперанская послѣ скарлатины такъ ослабѣла, что для подкрѣпленія силъ, по совѣту докторовъ, ей нуженъ былъ южный климатъ. Тамъ на деньги Злобина купленъ былъ домъ, въ которомъ новопріѣзжее семейство и поселилось. Въ Кіевѣ онѣ прожили нѣсколько лѣтъ. Во все это время Сперанскій, сильно скучавшій по дочери, одинъ только разъ могъ посѣтить свою семью, и былъ очарованъ кратковременнымъ житьемъ внѣ должностныхъ занятій. Тогда же онъ имѣлъ случай слышать проповѣди Леванды, отъ которыхъ заливался слезами: такимъ даромъ краснорѣчія владѣлъ этотъ духовный витія.

При быстромъ возвышеніи Сперанскаго по службѣ, которому соотвѣтствовали и щедрыя царскія милости, матеріальное положеніе его постоянно улучшалось, такъ-что наконецъ онъ могъ купить небольшой двухъ-этажный домъ у Таврическаго сада, на углу Сергіевской улицы. Тогда онъ вызвалъ изъ Кіева свое семейство, необыкновенно обрадованный совершеннымъ возстановленіемъ здоровья своей дочери; но жить съ тещею соглашался не иначе, какъ на условіяхъ, чтобы она не вмѣшивалась въ его служебныя дѣла, и принимала у себя только тѣхъ людей, которыхъ онъ самъ ей укажетъ. Въ домѣ они размѣстились такъ: нижній этажъ заняла бабушка съ внучкою, тутъ была также

зала, гостиная, столовая и пріемный кабинетъ Михаила Михайловича, весь обставленный шкапами съ книгами; въ верхнемъ этажѣ помѣстилась его домашняя канцелярія, тутъ же была квартира Франсиса и рабочій кабинетъ самого хозяина, служившій вмѣстѣ и спальнею, которая въ отдѣльномъ видѣ и съ кроватью явилась у него только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. Убранство комнатъ, увѣшанныхъ картинами, отличалось изящнымъ вкусовъ и англійскимъ комфортомъ, но безъ роскоши, исключая развѣ паркетные полы, составлявшіе тогда рѣдкость въ Петербургѣ; а кабинетъ хозяина всегда благоухалъ чайнымъ деревомъ, которое онъ очень любилъ. Прислуга попрежнему была немногочисленна; но поваръ былъ отличный. Государственный мужъ жилъ скромно, уединенно, рѣдко показывался въ свѣтъ какъ потому, что заваленъ былъ дѣлами, такъ и особенно потому, что ставъ выше другихъ по своимъ заслугамъ, онъ не дошелъ еще до равенства съ знатными, которые смотрѣли на него, какъ на выскочку, и у которыхъ онъ по своимъ правиламъ не хотѣлъ заискивать благорасположенія. Зато домашняя его жизнь въ кругу нѣсколькихъ пріятелей и короткихъ знакомыхъ отличалась необыкновенною простотою, отсутствіемъ всякой принужденности, искреннею веселостію. Домашній кружокъ его, между прочимъ, составляли: Цейеръ, Масальскій, Жервс, Столыпинъ и Магницкій. Цейеръ былъ его чиновникъ, постоянно и неизмѣнно ему преданный, исправлявшій у него должность и хозяйки, и няньки, и чуть не слуги, и выведенный имъ въ люди: «на хвостѣ орла, по выраженію Вигеля, паукъ сей взлетѣлъ до превосходительнаго званія». Масальскій, отецъ писателя, воспитанникъ Ярославской семинаріи, по ходатайству Сперанскаго у князя Куракина перешедшій на службу въ вспомогательный банкъ, былъ его коммиссіонеромъ и распорядителемъ денежныхъ дѣлъ, и дотого привязанъ былъ къ Михаилу Михайловичу, что

всегда называлъ его «премилосердымъ отцомъ», хотя тотъ не сдѣлалъ для него ничего особеннаго. Жерве, зять Амбургера, служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, былъ дружески преданъ Сперанскому. Столыпинъ, богатый пензенскій помѣщикъ, въ началѣ службы, которую кончилъ въ званіи сенатора, искалъ совѣта и помощи у Сперанскаго, какъ болѣе его опытнаго, и съ тѣхъ поръ началась ихъ дружба. У Столыпина Михаилъ Михайловичъ познакомился съ Магницкимъ, которому постоянно покровительствовалъ до полученія послѣднимъ званія статсъ-секретаря, хотя въ слѣдствіе странной перемѣны въ образѣ мыслей и дѣйствій Магницкаго, связь ихъ кончилась охлажденіемъ и даже взаимною ненавистію. Всѣ эти лица были дѣйствующими лицами въ домашней жизни Сперанскаго, которую дочь его изображаетъ въ своихъ запискахъ такъ: «Батюшка вставалъ чрезвычайно рано, въ 6-мъ и даже въ 5-мъ часу, и по тогдашнему обыкновенію уже съ этой ранней поры принималъ дѣловые визиты. Въ 8 часовъ я постоянно являлась къ нему поздороваться; но часто проходило немало времени, пока меня допускали; часто также, только-что я наконецъ ворвусь въ кабинетъ, докладывали о комъ-нибудь изъ моихъ *враговъ*, какъ я называла всѣхъ, кто отнималъ у меня или укорачивалъ эти минуты свиданія; тогда мнѣ приказывали выйти, или, если предвидѣлось посѣщеніе непродолжительное и неважное, позволяли спрятаться подъ чехолъ большаго глобуса. Потомъ все утро было занято у батюшки дѣлами или дѣловыми выѣздами. Въ 3 часа онъ постоянно прогуливался, большею частію одинъ, но иногда и со мною или съ Цейеромъ. Въ 4 часа мы обѣдали, перѣдко съ гостями, которыми, кромѣ того-же Цейера, жившаго у насъ, обыкновенно были Столыпинъ, Магницкій и Жерве. Лишь очень изрѣдка приглашался еще кто-нибудь посторонній. Столыпинъ, съ своимъ громкимъ хохотомъ, былъ особенно забавенъ, когда

разгорячась въ разговорѣ, начиналъ заикаться. У него зачастую бывали противъ разныхъ лицъ, что называется, *пики*, и онѣ выражались уморительными вспышками, которыя Магницкій, съ своимъ тонкимъ и колкимъ умомъ, тотчасъ обдѣлывалъ, завострялъ и расцвѣчалъ посвоему. Магницкій вообще былъ у насъ настоящимъ Протеемъ: одно живое слово, одно блестящее замѣчаніе смѣнялось у него другимъ; за эпиграммою слѣдовалъ фарсъ; тамъ опять какое-нибудь передразниваніе, какая-нибудь острая выходка, напоминавшая лучшія парижскія гостиныя, какая-нибудь арлекинада, отъ которой всѣ помирали со смѣху: и все это, съ разностороннимъ его талантомъ, было приправляемо то стихотворною импровизаціею, то прочитаннымъ гдѣ-нибудь или тутъ же вымышленнымъ разсказомъ. Жерве напротивъ отличался сухою, холодною шутливостію, чѣмъ-то въ родѣ англійскаго *юмора*, котораго проблески вырывались у него какъ бы невольно и тѣмъ еще болѣе всѣхъ смѣшили. Батюшка, нисколько не врагъ веселости, хохоталъ отъ души и собственными шутками поддерживалъ общее веселое расположеніе, которому и бабушка способствовала своимъ ѣдкимъ и саркастическимъ остроуміемъ. Что касается Цейера, то онъ былъ болѣе моимъ собесѣдникомъ; его простосердечіе уничтожало разность лѣтъ между нами; онъ сдѣлался моимъ неотлучнымъ другомъ и въ наблюденіяхъ своихъ надо всѣмъ, что вокругъ насъ дѣлалось и говорилось, соперничалъ со мною въ наивности. Матеріяльная часть обѣда была всегда чрезвычайно проста: супъ, два или три другихъ блюда, въ томъ числѣ непремѣнно вареная рыба съ картофелемъ и говядина; хорошій медокъ и бутылка шато-марго, изъ которой хозяинъ самъ каждому наливалъ; наконецъ рюмка десертнаго вина и кофе, который тутъ же варился Цейеромъ, посреди тысячи новыхъ шутокъ веселаго кружка. Послѣ обѣда болтали еще съ часокъ, а потомъ батюшка удалялся въ свой

кабинетъ, и всѣ расходились. По окончаніи послѣобѣденныхъ занятій, если батюшка не былъ у Государя или не сидѣлъ въ какомъ-нибудь комитетѣ, онъ часовъ въ девять являлся на нашу половину; тутъ опять нерѣдко собирались тѣ-же короткіе пріятели, и всѣ или играли въ jeux d'esprit, или слушали, какъ Цейеръ, превосходный чтецъ, декламировалъ какую-нибудь трагедію Расина либо комедію Мольера, или читалъ — съ пропусками, *на мой* счетъ — главу изъ Донъ-Кихота, любимой книжки батюшки. Политика и дѣла были совершенно изгнаны изъ этихъ вечернихъ бесѣдъ; хозяину нуженъ былъ отдыхъ отъ дневныхъ его трудовъ, чему гости и старались по мѣрѣ силъ способствовать. Иногда батюшка заставлялъ меня съ Цейеромъ за играми болѣе шумными, и мнѣ не разъ удавалось заставлять всѣхъ этихъ господъ бѣгать со мною въ жмурки, гдѣ высшимъ счастіемъ почиталось поймать *папу* и завязать ему глаза. Помню, какъ однажды графъ Нессельродъ, уже и тогда человѣкъ немалозначащій, невзначай попалъ въ наше веселое общество, и прямо очутился въ объятіяхъ красавицы графини Бержинской, пріѣзжавшей иногда къ батюшкѣ по вечерамъ просительницею по какому-то дѣлу. Встрѣчу 1810 года мы вздумали праздновать маленькимъ фарсомъ, къ которому куплеты написалъ Магницкій, а музыку Жерве. Зрителями были только батюшка и г-жа Стивенсъ; всѣ прочіе имѣли свои роли въ фарсѣ, за которымъ, какъ особенное на тотъ разъ изъятіе, слѣдовалъ ужинъ. Подобнымъ же образомъ, но вмѣсто фарса маскарадомъ встрѣтили мы и 1811 годъ. Я должна впрочемъ сказать, что самъ хозяинъ никогда не участвовалъ ни въ устройствѣ этихъ чрезвычайныхъ вечеровъ, ни въ издержкахъ на нихъ. При ограниченности своихъ средствъ, онъ избѣгалъ, какъ только могъ, входить въ долги, и потому ни самому себѣ, ни домашнимъ не позволялъ ни одного расхода на напрасную роскошь, ни одного дорого стоившаго удовольствія. Всѣ из-

держки такого рода, даже напримѣръ и ложи въ театръ, бралъ на свой счетъ богатый Столыпинъ. Вечеръ 31 декабря 1810 года былъ устроенъ также имъ. Но въ ту минуту, какъ маскарадъ долженъ былъ открыться, батюшка, для котораго все это дѣлалось будто сюрпризомъ, велѣлъ сказать, что за нимъ прислалъ Государь, почему онъ явится къ намъ нѣсколько позже. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за тѣмъ мы услышали стукъ отъ кареты, выѣзжавшей со двора, и всѣ, повѣсивъ носы, начали снимать маски и разоблачаться отъ костюмовъ; вдругъ между нами показалась превысокая дама въ шляпкѣ подъ вуалемъ, не принадлежавшая къ нашему обществу и которой никто не могъ узнать. И что же напослѣдокъ открылось? Это былъ батюшка, которому удалось такъ ловко насъ обмануть и собственнымъ участіемъ въ нашей шуткѣ придать вечеру еще болѣе живости и веселія».

Среди такого веселія Михаилъ Михайловичъ не забывалъ и своей черкутинской семьи. Его величіе не имѣло никакого вліянія на отношенія его къ роднымъ, которыя всегда были родственныя, самыя искреннія; хотя при постороннихъ лицахъ онъ держалъ себя сообразно своему званію. «Наединѣ съ нами, говоритъ одинъ изъ его родственниковъ преосвященный Аркадій, предавался онъ свободно всѣмъ изліяніямъ роднаго сердца своего, мы видѣли его плачущимъ, обнимающимъ насъ; но при постороннихъ онъ былъ высокъ, безмѣрно выше окружающихъ его, какъ солнце, съ полдневной высоты свѣтомъ и теплотою обливающее всѣхъ.» Вотъ письмо его къ матери: «Я очень былъ обрадованъ извѣстіемъ, на сихъ дняхъ мною полученнымъ чрезъ П. А. Веденскаго, что вы, милостивая государыня матушка, находитесь въ добромъ здоровьи. Благодареніе Богу, я и дочь моя также здоровы. Братъ Козьма получилъ чинъ и опредѣленъ прокуроромъ въ Могилевъ, куда на сихъ дняхъ и отправился. Я на сихъ дняхъ отправлюсь также отсюда

на нѣкоторое время въ чужіе края (т. е. въ Эрфуртъ); но отлучка моя болѣе двухъ мѣсяцевъ не продолжится. По возвращеніи не премину васъ увѣдомить. Между-тѣмъ испрашивая родительскаго благословенія, пребываю вашъ покорный сынъ.» Когда прибыли въ Петербургъ его мать, сестра и мужъ ея, священникъ Третьяковъ; то онъ, будучи уже государственнымъ секретаремъ, принялъ ихъ чрезвычайно радушно: мать помѣстилъ у себя въ домѣ, а для зятя съ сестрою нанялъ квартиру по сосѣдству; гости прожили въ столицѣ около полутора мѣсяца. Портретъ матери-старушки, въ простой одеждѣ и съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, висѣлъ въ его кабинетѣ до конца его жизни. Свои родственныя чувства Михаилъ Михайловичъ выражалъ и тѣмъ, что постоянно помогалъ своимъ роднымъ, начавши дѣлиться съ ними малыми крохами еще въ первые годы своей службы. Когда отецъ его по болѣзни отказался отъ священническаго мѣста; то онъ просилъ Третьякова взять стариковъ на свое попеченіе, обѣщая ему всевозможныя пособія, что и исполнилъ, какъ видно изъ слѣдующей записки послѣдняго: «По вступленіи на мѣсто отца въ Черкутино священникомъ, имѣлъ я удовольствіе получить письмо отъ покойнаго графа, выражавшее сыновнюю преданность и любовь къ родителямъ и призваніе меня къ ихъ успокоенію и неоставленію, съ обѣщаніемъ всѣхъ возможныхъ на то пособій. Дѣйствительно, четырехлѣтній покой отца и двадцатисемилѣтняя жизнь матери покойнаго графа въ моемъ домѣ и на моемъ попеченіи вознаграждены были имъ, до конца его жизни, устройствомъ моего семейства, состоявшаго изъ пяти дочерей и одного сына и четырехъ внукъ и внуковъ». Признательность свою къ Смирновой, своей воспитательницѣ, съ которой былъ въ постоянной перепискѣ, обмѣниваясь сердечными словами при воспоминаніи прошедшаго, Михаилъ Михайловичъ сохранилъ до самой ея смерти, благодѣтельствуя какъ ей, такъ и ея дѣтямъ, и почти каж-

дое письмо сопровождая денежнымъ пособіемъ или подаркомъ.

VI.

Къ новому 1812 году Сперанскій пожалованъ былъ орденомъ св. Александра Невскаго. Эта награда государственному секретарю была уже послѣднею: надъ нимъ собирались уже грозныя тучи, скоро разразившіяся необыкновеннымъ ударомъ. «Какъ онъ смѣлъ ограничить наши привиллегіи и требовать отъ насъ заслугъ»? говорили вельможи, ничего не дѣлавшіе и пользовавшіеся высшими почестями и преимуществами. «Какъ можно подчиняться выскочкѣ, который надъ всѣми возвысился, всѣмъ загородилъ дорогу, сдѣлавшись любимцемъ Царя и объявляя высочайшія повелѣнія самымъ министрамъ, и который не щадитъ нашихъ интересовъ, а смѣло идетъ своимъ путемъ, ни на кого не озираясь»? вопили аристократы и лица, находившіяся на высшихъ мѣстахъ. «Чего онъ захотѣлъ отъ насъ? какъ можно на службѣ изучать науки? какіе выдумалъ онъ экзамены на чины»? твердилъ чиновничій людъ. «Что за реформы онъ вводитъ по всему государству? старое ли нехорошо?» кричали старовѣры, которымъ очень не нравились его нововведенія. По случаю усиленія налоговъ, зароптали и народъ, всѣ податныя сословія, среди которыхъ ходила фраза: «деретъ этотъ поповичъ кожу съ народа, сгубитъ онъ государство.» Такимъ образомъ противъ Сперанскаго возстали почти всѣ классы въ государствѣ. Онъ зналъ это, зналъ это и Государь, и оба были непреклонны. Сперанскій, поддерживаемый довѣріемъ и расположеніемъ Монарха, стоялъ какъ дубъ, среди цѣлой бури сыпавшихся на него порицаній. Однако, чтобы оградить себя отъ нареканій въ привлеченіи въ свои руки всѣхъ дѣлъ и съ пользою заняться одною частью по составленію

законовъ, требовавшею также много времени и труда, онъ просилъ у Государя сложить съ него званіе государственнаго секретаря и оставить его при одной должности директора коммиссіи законовъ. «Представляясь попеременно, писалъ онъ въ отчетѣ Государю, то въ видѣ директора коммиссіи, то въ видѣ государственнаго секретаря; являясь по повелѣнію Вашему то съ проектами новыхъ государственныхъ постановленій, то съ финансовыми операціями, то со множествомъ текущихъ дѣлъ, я слишкомъ часто и на всѣхъ почти путяхъ встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистію, а еще болѣе съ неразуміемъ.» Но Монархъ не согласился. Для враговъ Сперанскаго было очень ясно, что лучшее средство къ его низверженію оставалось только одно—уронить его въ мнѣніи Государя. Зная, какъ охладѣлъ въ Государѣ восторгъ, произведенный эрфуртскимъ свиданіемъ, они сначала распустили слухъ, что Сперанскій, какъ главный представитель у насъ «наполеоновскихъ идей», будетъ удаленъ отъ всѣхъ дѣлъ, въ удовлетвореніе общему желанію, и что слѣдовательно милость къ нему Монарха поколебалась. Потомъ воспользовались обстоятельствами наступавшей тогда войны съ Наполеономъ, которая навела ихъ на слѣдующія мысли: ужели Сперанскій даромъ раздражилъ почти всѣ сословія, и своими преобразованіями разстроилъ всѣ части управленія? нѣтъ ли тутъ преступнаго намѣренія, тайной цѣли, измѣны, предательства? Послѣ этого въ Петербургѣ и Москвѣ стали появляться подметныя письма, обвинявшія его въ измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ агентами Наполеона, въ продажѣ государственныхъ тайнъ и во многомъ другомъ. Наконецъ враги разставили сѣти и самому Сперанскому, который, какъ человѣкъ кабинетный, занятый болѣе дѣлами, нежели людьми, не разглядѣлъ ихъ, не смотря на свою прозорливость: двое изъ нихъ, также приближенные къ Царю, предложили Сперанскому составить изъ трехъ лицъ тайный комитетъ, для управленія по-

Эрф.

*

мимо Монарха всѣми дѣлами государства, обративъ въ свои орудія и государственный совѣтъ, и сенатъ, и министерства. Сперанскій, разумѣется, съ презрѣніемъ отвергъ это предложеніе, и самый замыселъ считалъ дотого ничтожнымъ, не заслуживающимъ никакого вниманія, что ничего не сказалъ о немъ и Государю. Врагамъ и нужна была такая его ошибка, на ней-то они его и поймали: взваливъ всю вину такого замысла на Сперанскаго, они успѣли заподозрить его въ искренности чувствъ къ Государю. Цѣль была достигнута. Слыша одни и тѣ-же обвиненія Сперанскаго то отъ одного, то отъ другаго, то отъ третьяго, и не подозрѣвая, что всѣ эти вѣстовщики принадлежали къ одной партіи, благодушный Монархъ пораженъ былъ такимъ согласіемъ вѣстей, а еще болѣе такою черною неблагодарностію облагодѣтельствованнаго имъ человѣка, которая всего болѣе и подѣйствовала на его возвышенную, рыцарскую душу. Въ виду грозныхъ военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ, отнимавшихъ всякую возможность остановиться на разбирательствѣ доносовъ на Сперанскаго, онъ рѣшился, къ величайшему прискорбію своего добраго и чувствительнаго сердца, пожертвовать общественному мнѣнію своимъ любимцемъ, незамѣнимымъ государственнымъ мужемъ. Въ чомъ же должна была состоять эта жертва? Не въ одномъ лишь увольненіи государственнаго секретаря отъ службы, такъ-какъ онъ могъ возстать и въ свою очередь напасть на своихъ враговъ: искушенные въ придворныхъ интригахъ, они хотѣли поставить его въ безвыходное положеніе, чтобы отнять у него всякую возможность видѣться и говорить съ Государемъ, или писать къ нему помимо ихъ истолкованій и пересудовъ, и для этого придумали для него дальнюю ссылку съ строгимъ за нимъ присмотромъ. А чтобы этого достигнуть, имъ нужно было утверждать, что злые умыслы Сперанскаго всего лучше могутъ открыться изъ его бумагъ, которыя можно взять

и подвергнуть строгому пересмотру только тогда, когда хозяина ихъ не будетъ въ столицѣ, и когда онъ поставленъ будетъ внѣ всякаго вліянія на дѣла и на людей. 17 марта 1812 года фельдъегерь прискакалъ къ Сперанскому отъ Государя съ приказаніемъ явиться во дворецъ въ 8 часовъ вечера. Ничего не подозрѣвая, потому-что такія приглашенія бывали часто, государственный секретарь взялъ портфель, и отправился въ назначенное время. Что же? Послѣ аудіенціи, продолжавшейся слишкомъ два часа, Сперанскій вышелъ съ заплаканными глазами, въ сильномъ смущеніи. Когда онъ укладывалъ въ портфель свои бумаги, отворилась дверь кабинета, и растроганный Государь, стоя на порогѣ, сказалъ: «Еще разъ прощайте, Михайло Михайловичъ!» Тутъ былъ въ это время князь А. Н. Голицынъ, и Михайло Михайловичъ, пораженный горемъ, вышелъ въ другую комнату, не простившись съ нимъ; потомъ какъ бы опомнясь онъ отворилъ до половины дверь, и протяжнымъ голосомъ сказалъ: «Прощайте, ваше сіятельство!» Возвратясь домой, онъ увидѣлъ уже у подъѣзда почтовую кибитку, а въ комнатахъ встрѣтилъ министра полиціи Балашова съ правителемъ его канцеляріи. Что было дѣлать? Онъ попросилъ у министра позволенія запечатать нѣкоторыя бумаги въ особый пакетъ, для передачи ихъ Государю, и при этомъ написать нѣсколько строкъ. Ему было позволено. Когда онъ кончилъ работу, кабинетъ его былъ опечатанъ. Нужно было ѣхать. Пришла послѣдняя минута проститься съ дочерью и съ тещею, которыя спали. У него не достало духу разбудить ихъ; онъ написалъ только записку, въ которой приглашалъ ихъ пріѣхать къ нему весною, и, благословя дверь спальни, такимъ образомъ разстался съ ними. Сѣвши въ кибитку, Сперанскій помчался съ частнымъ приставомъ по дорогѣ въ Нижній-Новгородъ.

На другой день въ 6 часовъ утра, Вронченко по обык-

новенію явился къ своему начальнику, и въ числѣ первыхъ узналъ, что его уже нѣтъ въ Петербургѣ. Чрезъ нѣсколько времени у подъѣзда показались дровни, на которыя свалены были кипы его бумагъ. Горюя объ участи своего «премилосердаго отца», Масальскій немедленно далъ знать о постигшемъ его несчастіи графу Кочубею и Шувалову: первый предлагалъ ему деньги на отправленіе въ Нижній Елисаветы Михайловны, отъ которыхъ онъ отказался; а второй брался передать Государю письмо, если ссыльному это нужно. Когда члены государственнаго совѣта съѣхались въ засѣданіе, то Госурарь велѣлъ объявить, что онъ не будетъ въ совѣтѣ. «Ваше Величество нездоровы?» спросилъ у Монарха вошедшій къ нему послѣ засѣданія съ докладомъ князь Голицынъ, замѣтивъ мрачный видъ въ его лицѣ. «Если бъ у тебя отсѣкли руку, отвѣчалъ Монархъ, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно; у меня въ прошлую ночь *отняли* Сперанскаго, а онъ былъ моею правою рукою.» Потомъ Государь поручилъ ему разобрать бумаги Сперанскаго, прибавивъ: «но въ нихъ ничего не найдется: онъ *не измѣнникъ*.» При встрѣчѣ во время прогулки съ г-жею Кремеръ, которая глубоко была поражена судьбою Сперанскаго, Государь сказалъ: «Что жъ дѣлать? можетъ-быть, никто не пострадалъ тутъ болѣе меня, но я принужденъ былъ покориться причинамъ самымъ настоятельнымъ.» Когда графъ Нессельродъ представлялъ Государю, что онъ лишился въ Сперанскомъ самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго слуги, Монархъ отвѣчалъ: «Ты правъ, но именно теперешнія только обстоятельства и могли вынудить у меня эту жертву общественному мнѣнію.» Въ самомъ дѣлѣ, когда предъ началомъ войны нужно было пробудить во всѣхъ сословіяхъ духъ патріотизма и приверженности къ правительству; то удаленіе ненавистнаго государственнаго секретаря, удовлетворявшее желаніямъ огромнаго большинства, было мѣрою

необходимою. Государь недоволенъ былъ только тѣмъ, что Сперанскій не имѣлъ къ нему полной довѣренности, что онъ неосторожно отзывался иногда о политическихъ мнѣніяхъ нашего правительства, и хотѣлъ проникать въ закрытыя для него государственныя тайны. Въ пакетѣ, посланномъ къ Государю чрезъ Балашова, были тайныя дипломатическія депеши, которыя государственный секретарь позволялъ себѣ брать изъ министерства иностранныхъ дѣлъ; а въ письмѣ заключалось объясненіе такого дѣйствія, къ которому онъ подвинутъ былъ единственно любопытствомъ и искреннимъ желаніемъ принимать участіе въ благоденствіи и славѣ отечества. Но большинство публики, слѣдуя внушеніямъ враждебной ему партіи, нисколько не сомнѣвалось, что только *самое черное преступленіе* могло подвигнуть кроткаго Монарха на такое неслыханное въ его царствованіе рѣшеніе судьбы государственнаго человѣка (что отозвалось и за границею); а въ провинціи ссылку Сперанскаго «торжествовали, какъ первую побѣду надъ Французами». Такъ-какъ вина его не была опубликована, то разнымъ догадкамъ, толкамъ, пересудамъ и нелѣпостямъ не было предѣловъ: говорили, напримѣръ, о перехваченныхъ письмахъ его къ Бонапарту и о томъ, что у него нѣсколько милліоновъ лежитъ въ англійскомъ банкѣ и т. п. Когда нужно было составить списокъ высшимъ гражданскимъ чинамъ, печатавшійся ежегодно отъ герольдіи, и вопросъ зашелъ о томъ, показывать ли въ этомъ спискѣ Сперанскаго, такъ-какъ не было именнаго указа объ его увольненіи; то комитетъ министровъ, за отсутствіемъ въ то время Государя, рѣшилъ не вносить его въ списокъ, «поелику онъ ни при должностяхъ не находится, ни при герольдіи не состоитъ.»

На пятый день своего пребыванія въ Нижнемъ, ссыльный писалъ къ своей тещѣ: «Я уже совершенно устроился въ Нижнемъ, и, вполнѣ успокоясь касательно своей будущности, мечтаю лишь о той минутѣ, которая должна

снова насъ соединитъ. Домикъ, въ которомъ я поселился, очень хорошенькій и спокойный, и не сомнѣваюсь, любезная матушка, что онъ вамъ понравится; при домѣ садъ, особнякомъ отъ всякаго другаго жилья, такъ-что вамъ можно будетъ прогуливаться въ немъ, нисколько не стѣсняясь. Предполагаю, что вы выѣдете ко мнѣ не прежде начала мая, когда рѣки уже войдутъ въ берега, слѣдственно святую недѣлю проведете еще въ Петербургѣ. Запрещаю моей доброй и милой Лизѣ омрачать этотъ праздникъ малѣйшею печалью, и прошу ее провести его съ своими подругами, какъ можно веселѣе. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашихъ писемъ: если что-нибудь можетъ меня тревожитъ, то развѣ только неизвѣстность о вашей судьбѣ». Но это письмо не застало уже семьи его въ Петербургѣ: она выѣхала въ предложенной ей придворной каретѣ почти въ слѣдъ за изгнанникомъ въ самую распутицу, когда дороги вездѣ были перепорчены. Вотъ что разсказываетъ дочь про отца-изгнанника при первой съ нимъ встрѣчѣ: «Трепеща отъ нетерпѣнія и душевнаго волненія, я не могла дождаться нашего пріѣзда, и когда минута свиданія наступила, то бросилась въ комнату, какъ безумная, и повисла на шеѣ у батюшки, думая найти и его въ горькомъ отчаяніи. И что же? Онъ былъ точно такъ-же спокоенъ, веселъ, свѣтелъ, какъ накапунѣ нашей разгулки въ Петербургѣ, когда никто изъ насъ и не подозрѣвалъ готовившагося несчастія. По его виду казалось, что это заточеніе — только прогулка, простая перемѣна жительства по собственной волѣ. Съ обыкновеннымъ обаяніемъ своего ума и прекрасной души, изгнанникъ, опальный уже успѣлъ въ такое короткое время совершенно привлечь и покорить себѣ хозяевъ того дома, въ которомъ жилъ». Въ самомъ дѣлѣ, Сперанскому очень понравилось въ Нижнемъ-Новгородѣ: прогуливаясь каждый день пѣшкомъ или верхомъ, онъ любовался его мѣстоположеніемъ и окрестностями, такъ-

что рѣшился даже купить себѣ домъ, и, давъ задатокъ, переѣхалъ туда изъ квартиры, отведенной ему губернаторомъ. Тамъ навѣщали его старые его пріятели, Злобинъ и Столыпинъ, пріѣзжавшіе по дѣламъ—первый изъ Саратова, второй изъ Пензы; съ Столыпинымъ, проживавшимъ въ Нижнемъ по нѣскольку недѣль, онъ часто хаживалъ на народныя гульбища и сборища, чтобы наблюдать привычки и обычаи простаго народа. Въ кабинетныхъ своихъ занятіяхъ онъ ограничивался теперь чтеніемъ книгъ и воспитаніемъ дочери, на которое обратилъ особенное вниманіе, такъ-какъ оно очень запущено было сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Петербургѣ. По хозяйственной части велъ переписку съ Масальскимъ, которому по распечатаніи сданъ былъ его кабинетъ: въ письмахъ къ своему повѣренному онъ предлагалъ показать, кому слѣдуетъ, бумаги, не отыщутъ ли въ нихъ векселей, если обличаютъ его въ корыстолюбіи, считая его состояніе огромнымъ; просилъ справиться о жалованьи, которое въ послѣднее время по всѣмъ должностямъ доходило у него до огромной цифры, но котораго онъ не получалъ; просилъ также о размѣнѣ ассигнацій на червонцы, что и самъ дѣлалъ въ Нижнемъ, имѣя въ виду обезпечить сколько-нибудь судьбу своей дочери, и опасаясь за пониженіе цѣны банковыхъ билетовъ, по случаю тогдашнихъ политическихъ невзгодъ. На свободѣ отъ должностныхъ занятій онъ чувствовалъ себя гораздо здоровѣе, а не сознавая за собой никакой вины по отношенію къ Царю и отечеству, спокойно смотрѣлъ на взведенную на него клевету, хотя безъ сомнѣнія не могъ не тревожиться при мысли, что за нимъ постоянно слѣдятъ, что письма отъ него и къ нему распечатываются на почтѣ, что его бѣгаютъ изъ опасенія какихъ-нибудь подозрѣній, что губернатору предписано было обо всемъ доносить. Такъ послѣдовали, напримѣръ, донесенія о свиданіяхъ его съ Столыпинымъ, о вымѣниваніи имъ у торговцевъ золотой и

серебряной монеты, о посѣщеніи имъ трактировъ и питейныхъ домовъ, объ отзывѣ его, во время завтрака у тамошняго архіерея, о Наполеонѣ, который, по его словамъ, при завоеваніи нѣмецкихъ областей, щадилъ духовенство, и не допускалъ храмовъ до разграбленія и т. п. Не смотря на все это, изгнаннику оказываема была «всякая пристойность по чину», какъ предписано было въ высочайшемъ повелѣніи. Вдругъ къ начальнику 3-го округа военнаго ополченія, имѣвшему особыя уполномочія и по гражданской части, графу Толстому, пріѣзжаетъ фельдъегерь съ собственноручнымъ рескриптомъ Императора, чтобы отправить Сперанскаго, какъ «вреднаго человѣка» подъ карауломъ въ Пермь. Графъ тотчасъ же сообщилъ это повелѣніе губернатору, губернаторъ тотчасъ же послалъ за частнымъ приставомъ, и оба отправились къ Сперанскому съ объявленіемъ, что ему въ тотъ-же вечеръ нужно выѣхать изъ Нижняго-Новгорода. Встревоженный изгнанникъ попросилъ только нѣсколько времени, чтобы написать два письма, изъ которыхъ одно было къ Государю, а другое къ графу Толстому. Когда письма были готовы, онъ простился съ родными, приглашая ихъ ѣхать въ Пермь, какъ только они управятся; сѣлъ вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ въ коляску, помѣстивъ на козлахъ унтеръ-офицера губернскаго батальона, и въ сопровожденіи губернатора, провожавшаго его до первой станціи, отправился къ новому мѣсту жительства. Что значило такое внезапное распоряженіе? Общее мнѣніе, преслѣдовавшее Сперанскаго, какъ предателя и измѣнника, рѣзко обнаружилось еще, когда семья его ѣхала изъ Петербурга въ Нижній-Новгородъ: почти на каждой станціи ее осыпали жестокою бранью, и г-жа Стивенсъ проклинала ту минуту, когда согласилась выдать свою дочь за человѣка, обреченнаго на изгнаніе, заключая посвоему, что такого народнаго ожесточенія не могло бы быть безъ дѣйствительной и важной вины. Мол-

ва о мнимомъ предательствѣ и измѣнѣ Сперанскаго дошла и до Черкутина, гдѣ изступленные крестьяне едва не разбросали дома зятя его Третьякова, который въ первомъ испугѣ хотѣлъ было бѣжать изъ села. Съ приближеніемъ макарьевской ярмарки, въ Москвѣ разнесся слухъ, что нѣкоторые изъ отправлявшихся въ Нижній-Новгородъ, въ слѣдствіе озлобленія противъ Сперанскаго, имѣютъ намѣреніе убить его, о чомъ тотчасъ сообщено было нижегородскому губернатору, для принятія нужныхъ мѣръ предосторожности. Когда Французы вошли въ Москву, огромныя массы народа хлынули — кто куда — искать убѣжища отъ непріятеля, съ лютою фанатическою ненавистію къ нему, доходившею до изступленія и свирѣпости, особенно въ простомъ народѣ: часть ихъ прибыла и въ Нижній-Новгородъ, въ томъ числѣ и Карамзинъ, котораго Сперанскій увидѣлъ лицомъ къ лицу у графа Толстаго. Всѣ они привозили съ собою новыя вѣсти съ новыми вымыслами и наговорами на Сперанскаго, какъ приверженца Французовъ, такъ-что посѣщавшіе прежде домъ его приходили теперь извиняться, что не могутъ продолжать съ нимъ знакомства, а на улицѣ, для предохраненія отъ непріятныхъ случаевъ и для наблюденія за каждымъ его шагомъ, велѣно было всегда слѣдовать за нимъ издали полицейскому офицеру. Если когда, то теперь изгнаннику нужно было быть чрезвычайно осторожнымъ, такъ-какъ каждое его слово готовы были перетолковать посвоему и свое толкованіе примѣнить къ политическимъ происшествіямъ; а онъ у преосвященнаго заговорилъ о Наполеонѣ, о чомъ тотчасъ посланъ былъ рапортъ къ министру полиціи. Связи его съ Злобинымъ и Столыпинымъ также найдены были преступными; даже вымѣниванію имъ ассигнацій на звонкую монету, какъ и посѣщенію народныхъ гульбищъ не преминули навязать превратное толкованіе. Въ слѣдствіе такихъ-то обстоятельствъ и послѣдовало высочайшее повелѣніе графу Толстому.

Въ Перми Сперанскій поселился въ домѣ тамошняго купца Попова. Этотъ купецъ съ юныхъ лѣтъ питалъ къ нему глубокое уваженіе, наслышавшись о немъ много хорошаго отъ лицъ духовнаго званія. Когда Поповъ бывалъ по дѣламъ въ Петербургѣ, то всегда искалъ случая хоть взглянуть на Сперанскаго, но не могъ. Теперь судьба привела его къ нему прямо въ домъ. Этотъ-то Поповъ составилъ записку о житьѣ-бытьѣ изгнанника въ Перми. Въ ней онъ говоритъ, какъ онъ встрѣтилъ гостя въ сѣромъ фракѣ съ двумя звѣздами; какъ на другой день угостилъ его банею, въ которой тотъ послѣ ниразу уже не былъ, хотя почти каждый день мылъ голову и грудь теплою водою, на половину смѣшанною съ французскою водкою; какъ помутился весь городъ, узнавъ о пріѣздѣ такого ссыльнаго; какъ онъ представилъ ему реестръ книгъ, изъ которыхъ были выбраны нѣкоторыя, и какъ былъ имъ обласканъ. Потомъ продолжаетъ: «Въ третье утро, по желанію его, я представилъ ему мою мать, сестру и трехлѣтняго племянника; всѣхъ ихъ онъ обласкалъ до восторга. Потомъ попросилъ меня купить ему шляпу; но выбравъ послѣ изъ домашнихъ, въ первомъ часу отправился гулять, а возвратясь сказалъ: «Вотъ я съ половиною вашего города познакомился, но едвали болѣе буду у васъ прохаживаться; въ Нижнемъ я много прогуливался, верстъ по тридцати дѣлалъ верхомъ.» Однакожъ на другой день онъ опять продолжалъ свою прогулку. Скоро я узналъ, что въ первую школьники, вышедши изъ гимназіи и встрѣтясь съ нимъ у гостинаго двора, преслѣдовали его и не только кричали: «измѣнникъ!» но и бросали въ него землею. Послѣ, когда перемѣнились отношенія, и всѣ въ Перми его полюбили, самъ онъ шутя разсказывалъ: «Я любилъ ходить по *такой-то* улицѣ, и когда ни проходилъ мимо *такого-то* дома, дворня всякой разъ въ щели воротъ встрѣчала и провожала меня словомъ: *измѣнникъ*; наконецъ родилась мысль: да что жъ

за неволя ходить мнѣ именно по *этой* улицѣ, и я перемѣнилъ ее на другую». — Въ остальные дни сентября Михайло Михайловичъ дѣлалъ свои визиты главнымъ властямъ въ городѣ; но едвали кто его принялъ: по крайней мѣрѣ ни отъ кого не было взаимности. — Въ исходѣ этого мѣсяца благоугодно ему было пріискивать вмѣстѣ со мною другую квартиру. При этомъ намѣреніи онъ говорилъ мнѣ со слезами на глазахъ: «Крайне мнѣ прискорбно съ вами разставаться; но комнаты холодны, дуетъ съ Камы въ окна; на улицѣ я герой, какая бы ни была стужа, а въ комнатѣ я отъ холоду съ ума сойду; да и домъ вашъ малъ для моей семьи, которую жду». Самому мнѣ очень горько было выпустить изъ дому своего такого знаменитаго и ко мнѣ столь милостиваго человѣка; но дѣлать было нечего. — Въ праздникъ Покрова Богородицы пригласилъ онъ меня съ собою въ Богородскую церковь, въ которой служилъ нашъ архіерей Іустинъ, и гдѣ вся была наша знать и горожане. Отправились въ большихъ дрожкахъ. Лишь только сталъ онъ въ церкви къ самому діаконскому амвону, въ церкви забыли моленіе, зашептались повсемѣстно, сдѣлался гулъ какъ бы базарный; заходили впередъ и заглядывали въ лицо до неблагопристойности; самъ архипасхырь разстроился и по внутреннему ли убѣжденію, или въ угожденіе публикѣ бросалъ грозные, наказующіе взоры. Но Михайло Михайловичъ, во все продолженіе обѣдни, стоялъ неподвижно, ни на минуту не измѣнился въ лицѣ, не пошевелился, ни на что повидимому не обращая вниманія. Дождавшись выхода архіерейскаго, онъ одинъ поѣхалъ въ слѣдъ за нимъ, и не только вошелъ къ нему, но и остался у него обѣдать. Преосвященный такъ испугался этого нежданнаго и незванаго посѣщенія, что на другое утро съ объясненіемъ своимъ ѣздилъ не только къ губернатору, бергъ-инспектору, вице-губернатору, но, кажется, и къ прокурору. «Сперанскій—заявлялъ онъ всѣмъ—насильно ко

мнѣ пріѣхалъ и насильно остался обѣдать.» — Еще до выѣзда изъ нашего дома Михайло Михайловичъ расположился сдѣлать вторые визиты. Мнѣ это было больно, и очень уже тогда съ нимъ сблизясь, я осмѣлился замѣтить: какъ же вы это изволите ѣхать, когда никто не отдалъ вамъ перваго посѣщенія? «Они здѣсь хозяева», отвѣчалъ онъ. Но и на вторые его визиты отзыва не было. Такимъ образомъ до перемѣны обращенія съ нимъ въ Перми, я одинъ имѣлъ счастіе быть его посѣтителемъ и очень часто собесѣдникомъ.—Живя въ нашемъ домѣ, онъ вставалъ въ 7 часовъ и тотчасъ же кушалъ чашку кофе безъ сливокъ; до 9-ти проводилъ время въ чтеніи. Читалъ онъ въ Перми больше все богословскія сочиненія; въ порядочной семинарской библіотекѣ не осталось ни одной книги, имъ не прочитанной съ величайшимъ вниманіемъ и большею частію съ составленіемъ для себя выписокъ; одну желалъ купить и предлагалъ даже за нее 500 р., когда денежныя средства его опять увеличились. Но архіерей не уступилъ. «Въ прежнее время— сказалъ по этому случаю Михайло Михайловичъ — просьбу мою сочли бы приказаніемъ». Журналы пробѣгалъ для однѣхъ часто появлявшихся тогда статей митрополита Евгенія, котораго разумѣлъ первымъ у насъ историкомъ, и еще для архимандрита Филарета (впослѣдствіи митрополита московскаго). Ни о комъ вообще не отзывался онъ съ большею любовію и уваженіемъ, какъ объ этомъ архимандритѣ, и читалъ выходившія тогда его сочиненія съ величайшимъ наслажденіемъ, какъ бы не хотѣлось разстаться съ статьею.—Въ 9 часовъ кушалъ съ хлѣбомъ пять яицъ въ смятку, одни желтки, и выпивалъ порядочную рюмку портвейну; до 1-го опять читалъ, съ 1-го до 2-хъ прогуливался, въ 2 обѣдалъ; подавалось только три блюда: супъ, та или другая вареная рыба и жаркое; за столомъ выпивалъ до двухъ рюмокъ портвейну; послѣ обѣда всегда подходилъ къ окну и благоговѣйно, кратковременно, незамѣтно обра-

щалъ взоръ свой на небо: это повидимому была его молитва. Потомъ я игралъ съ нимъ двѣ игры въ шашки, что продолжалось съ полчаса; далѣе онъ занимался чтеніемъ; въ 8 часовъ, однако жъ невсегда, пилъ пуншъ съ виномъ, и ходилъ по комнатѣ, всегда почти со мною, до расположенія своего въ постель. Это время было собственно для меня истинно благодатное, обворожительное, назидательнѣйшее; я не что другое тутъ былъ, какъ слушатель лекцій умнѣйшаго изъ профессоровъ по всѣмъ знаніямъ человѣческимъ; много было и важныхъ разсказовъ о событіяхъ и знаменитыхъ людяхъ; многое было мною записано, но, къ несчастію, всѣ эти записки въ 1836 году, во время пожара въ домѣ, гдѣ я жилъ въ Черпорѣчинскомъ заводѣ, сгорѣли. — Михайло Михайловичъ крайне точно и строго выполнялъ свое время: часы всегда были предъ глазами; что въ какую минуту предположено было дѣлать, въ ту минуту и дѣлалось. Онъ говаривалъ: «Я рожденъ съ самою лѣнивою натурою, но побѣдилъ ее твердымъ выполненіемъ своихъ правилъ.» Однажды въ самую дурную, несносную погоду не хотѣлось ему прогуливаться, очень не хотѣлось, колебался долго; наконецъ, быстро схвативъ свою шляпу, произнесъ: «Нѣтъ, надобно быть твердымъ въ своихъ правилахъ», и отправился.—Вскорѣ по переходѣ въ домъ Ивановыхъ — бѣдные ли финансы, или другія причины расположили его оставить любимыя свои привычки — перестала онъ употреблять кофе, вино, табакъ ляфермъ, все, что любилъ и что относилъ къ прихотямъ, отъ всего отвыкъ, какъ будто дѣлалъ надъ собою испытаніе, что довольно долго продолжалось. Послѣ когда со всѣми сблизился, изъ учтивости принимая подносимый въ табакеркахъ русскій табакъ, онъ такъ къ нему привыкъ, что не могъ болѣе въ Перми отъ него отстать, какъ ни старался: не держалъ его въ табакеркѣ, нарочно насыпалъ на столъ, за которымъ читалъ, чтобъ онъ высохъ и сдѣлался

отвратительнымъ; но все-таки наконецъ имѣлъ его опять въ табакеркѣ, и ляферму уже не нюхалъ. Курительнаго табаку терпѣть не могъ и много говорилъ о вредномъ дѣйствіи его на легкія. Я доставлялъ ему газеты, которыя прежде сырыя самъ читалъ за трубкою табаку; по нѣкоторомъ времени его камердинеръ приходитъ ко мнѣ съ просьбою: «сдѣлайте милость, не присылайте къ намъ газетъ, окуренныхъ табакомъ: мы измучились выводить запахъ одеколономъ».

Каково же, послѣ этого разсказа, было положеніе изгнанника въ первое время пребыванія его въ Перми? Самое печальное, самое безотрадное. «Сибирь есть земной рай въ сравненіи съ Пермью», писалъ онъ Толстому. Кто-му-же матеріяльныя средства его, неподкрѣпляемыя высылкою денегъ изъ Петербурга Масальскимъ, истощились дотого, что онъ вынужденъ былъ закладывать кресты, табакерки и другія вещи, или брать деньги въ займы даже у своихъ слугъ, которые теперь были богаче своего барина. Настойчивая нужда въ деньгахъ почувствовалась особенно тогда, когда прибыло къ нему его семейство, къ которому въ Казани присоединился еще братъ его, безъ прошенія уволенный отъ прокурорской должности. «Враги мои считаютъ у меня милліоны; а я, при безмѣрной здѣшней дороговизнѣ и послѣ всѣхъ разорительныхъ перевозовъ, нуждаюсь въ первыхъ потребностяхъ жизни», такъ писалъ онъ тому-же Толстому. Къ счастію, нашлись люди, которые приняли участіе въ его бѣдственномъ положеніи: это были владѣльцы богатыхъ имѣній въ Пермской губерніи, Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій и Христофоръ Іоакимовичъ Лазаревъ, подавшіе ему руку помощи. Но Сперанскому очень не нравилось быть въ зависимости отъ какихъ бы то ни было одолженій; съ другой стороны, ему хотѣлось оградить себя отъ оскорбленій, которыми его преслѣдовали. И потому онъ рѣшился написать письмо къ Балашову, въ которомъ просилъ министра какъ о денеж-

номъ назначеніи, такъ и о передачѣ Монарху слѣдующаго письма: «Среди всѣхъ горестей, писалъ страдалецъ, я не могъ себѣ представить, чтобы Вашему Величеству угодно было попустить подчиненнымъ начальствамъ, подъ надзоромъ коихъ я состою, притѣснять меня по ихъ произволу. Уважая драгоцѣнность Вашего времени, я не дерзалъ жаловаться на сіи притѣсненія изъ Нижняго. Прибывъ въ Пермь, я силился по возможности привыкать къ ужасамъ сего пребыванія. Между-тѣмъ здѣшнее начальство признало за благо окружить меня не *непримѣтнымъ надзоромъ*, коего, вѣроятно, отъ него требовали, но самымъ явнымъ полицейскимъ досмотромъ, мало различнымъ отъ содержанія подъ карауломъ. Приставы и квартальные каждый почти часъ посѣщаютъ домъ, гдѣ я живу, и желали бы, я думаю, слышать мое дыханіе, не зная болѣе, что доносить. Если бъ я былъ одинъ, я перенесъ бы и сіи грубые досмотры; но среди семейства быть почти подъ карауломъ невыносимо. Умилосердуйтесь надо мною, Всемилостивѣйшій Государь! не предайте меня на поруганіе всякаго, кто захочетъ изъ положенія моего сдѣлать себѣ выслугу, пятная и уродуя меня по своему произволу. Никогда, среди самыхъ жестокихъ напастей, не колебался я вѣрить, что состою еще въ точной и великодушной Вашей защитѣ». Въ отвѣтъ на одно письмо сдѣлано было подтвержденіе губернатору, «дабы высочайшая воля вполнѣ и не далѣе предѣловъ, ею означенныхъ, была исполняема», а на другое— послѣдовало назначеніе ссыльному содержанія 6,000 р. асс. въ годъ съ удовлетвореніемъ и за прошедшее время со дня его удаленія. Въ это-же время преосвященный Іустинъ получилъ письмо отъ Амвросія, санктпетербургскаго митрополита, въ которомъ поручалось ему передать поклонъ Сперанскому. «Всѣ эти одновременныя вѣсти изъ Петербурга, разсказываетъ Поповъ, мгновенно измѣнили обращеніе съ Михайломъ Михайловичемъ; всѣ къ нему верну-

лись и всѣхъ онъ, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе, такъ умѣлъ плѣнить и обворожить, что каждый сталъ разумѣть его лучшимъ себѣ другомъ. Послѣ того никто не пропускалъ воскресныхъ и праздничныхъ у него поздравленій, что тогда было въ Перми въ обычаѣ и, какъ пища, необходимо; не было ни одного званаго обѣда, вечера, именинъ, свадебъ и т. п., куда бы не былъ онъ приглашаемъ, какъ и на загородныя гулянья, которыя часто бывали. Никому онъ не отказывалъ. У губернатора постоянно обѣдалъ два раза въ недѣлю, часто и у другихъ чиновниковъ. Словомъ, къ нему водворилось общее уваженіе и нелицепріятная во всѣхъ сословіяхъ любовь.»

Но царская милость возбудила въ душѣ изгнанника надежду и на другія милости. Онъ остановился теперь на мысли, что ему нужно возстановить свою честь и доброе о себѣ мнѣніе, очистить себя отъ взведенныхъ на него врагами обвиненій и возбудить въ Государѣ воспоминаніе своихъ заслугъ и прежнихъ къ нему отношеній. Этого онъ могъ достигнуть посредствомъ письменнаго изложенія всего дѣла; но затрудненіе было въ томъ: чрезъ кого послать такую записку къ Государю, чтобъ она вѣрно дошла и не попала прежде въ руки его враговъ? вѣдь два письма, посланныя имъ чрезъ графа Толстаго, совсѣмъ не были отправлены по назначенію? Одна мысль раждаетъ другую: онъ вздумалъ отправить свое семейство въ Великополье, такъ-какъ пермскій климатъ имѣлъ вредное вліяніе на здоровье его дочери; дочери своей онъ и передалъ письмо къ Государю съ объяснительною запискою, въ которой въ оправданіе себя изложилъ все дѣло со всею силою истины. Въ заключеніи этой обширной записки онъ писалъ между-прочимъ: «Прошу одной милости: дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ въ маленькой моей деревнѣ провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной. Если въ семъ уединеніи угодно бу-

детъ поручить мнѣ окончить какую-либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную или судебную, я приму сіе личное отъ Вашего Величества порученіе съ радостію, и исполню его безъ всякой помощи, съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только *свободы и забвенія.*» Письмо съ запискою переданы были г-жѣ Кремеръ, а отъ нея перешли прямо въ руки Государя. Что же? Отвѣта не было никакого какъ потому, что враги Сперанскаго, окружавшіе Государя, не дремали, такъ и потому, что все вниманіе Монарха обращено было тогда на политическія событія. Изгнанникъ рѣшился выждать благопріятнѣйшаго случая, чтобы снова писать къ Государю; а этотъ случай скоро представился: Александръ I достославно кончилъ войну съ Наполеономъ, и сталъ на высшую степень славы и величія, водворивъ миръ въ Европѣ. Принося по этому случаю поздравленіе Государю, Сперанскій повторилъ въ письмѣ прежнюю свою просьбу. Къ великой его радости, теперь послѣдовалъ удовлетворительный отвѣтъ: ему разрѣшено было переѣхать на жительство въ Великополье. Изгнанникъ тотчасъ собрался въ дорогу; но какъ и прежде, его сопровождалъ въ деревню полицейскій чиновникъ, а начальнику Новгородской губерніи предписано было доносить объ образѣ его жизни и о его знакомствахъ.

По смерти Маріанны Злобиной, Великополье, переименованное впослѣдствіи Сперанкою, и лежащее въ 9 верстахъ отъ Новгорода, досталось въ наслѣдство дочери Сперанскаго. Тутъ былъ господскій домъ, окруженный садомъ, съ прекраснымъ видомъ на рѣку Вишеру и на многочисленные монастыри и церкви, находящіеся въ окрестностяхъ Новгорода. Въ этомъ уединеніи Сперанскій прожилъ около двухъ лѣтъ. Сначала онъ хотѣлъ, подобно Цинциннату, взяться за плугъ, и въ письмахъ просилъ Масальскаго о высылкѣ ему книгъ по сельскому хозяйству; но

потомъ остановился на воспитаніи дочери и на ученыхъ своихъ занятіяхъ, которымъ предался весь. Уроки дочери умный наставникъ передавалъ не посредствомъ такъ называемаго преподаванія, а въ чтеніи и разговорахъ съ нею, излагая отвлеченные предметы самымъ нагляднымъ образомъ. Такая педагогическая бесѣда необыкновенно развивала его ученицу умственно и нравственно, такъ-что образованіе Елисаветы Михайловны не безъ основанія возбуждало въ другихъ удивленіе, и ее считали одною изъ просвѣщеннѣйшихъ женщинъ. Стихи, писанные ею, отецъ-педагогъ встрѣчалъ съ одобрительною улыбкою, но нерѣдко и съ легкою ироніею, даже строгою критикою, чтобы молодая дѣвушка не признала за поэзію своихъ слабыхъ стихотвореній (изъ которыхъ нѣкоторыя послѣ напечатаны были въ «Сынѣ Отечества»). Зная, какъ сильно дѣйствуютъ на молодыхъ людей примѣры другихъ, онъ сильно задумывался надъ тѣмъ, какъ бы избавить свою дочь отъ вліянія на нее дурнаго примѣра матери, сдѣлавшейся теперь болѣе несносною, чѣмъ когда-либо, пока наконецъ не рѣшился отправить тещу въ Кіевъ къ жившей тамъ ея племянницѣ, назначивъ ей отъ себя довольно значительное годовое содержаніе. Кромѣ своей дочери, великопольскій педагодъ довольно долго занимался и съ гостившею у него дочерью г-жи Вейкардтъ, и прошелъ съ нею полный курсъ Закона Божія по лютеранскому исповѣданію такъ успѣшно, что пасторъ удивился ея свѣдѣніямъ, когда она явилась къ нему на конфирмацію. Чтобы образовать у этой своей ученицы хорошій слогъ, онъ, во время частой переписки съ нею, исправлялъ ея письма, и съ поправками посылалъ ей назадъ, достигая своей цѣли практическимъ путемъ. Между предметами собственныхъ его занятій были языки—еврейскій, который онъ изучалъ по Библіи, и англійскій, въ которомъ старался еще болѣе усовершенствоваться. Какъ человѣкъ любознательный и ученый, онъ

много читалъ и писалъ. Только-что зараждалась въ его умѣ какая-нибудь мысль, часто приходившая ему во время чтенія, онъ тотчасъ брался за перо, изъ-подъ котораго выливалось уже цѣлое разсужденіе. Такихъ разсужденій у него было много: они касаются предметовъ и юридическихъ, и философскихъ, и богословскихъ; нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ «Москвитянинѣ» и въ «Архивѣ», издаваемомъ Калачовымъ, а остальныя хранятся еще въ рукописи. Особенно много времени посвящалъ онъ на чтеніе твореній Св. Отцовъ церкви, полное собраніе которыхъ нашелъ въ сосѣдней обители св. Саввы Вишерскаго, и на выписку изъ нихъ избранныхъ мѣстъ, представляющую собою цѣлыя кипы записокъ. Тутъ же перечитывалъ онъ и конченный еще въ Перми переводъ четвертой части книги Ѳомы Кемпійскаго, который послѣ изданъ былъ А. И. Тургеневымъ, и напечатанъ на казенный счетъ съ пожертвованіемъ выручки въ пользу Императорскаго Человѣколюбиваго общества. Среди этихъ занятій, педагогическихъ и ученыхъ, Сперанскій не забывалъ и своихъ крестьянъ, съ которыми любилъ бесѣдовать, и о которыхъ заботился какъ отецъ. Онъ наставлялъ ихъ, какъ жить «похристіански и покрестьянски», какъ жить въ мирѣ и согласіи между собою и съ сосѣдями; грозилъ тяжкимъ отвѣтомъ на судѣ Божіемъ тому, кто будетъ употреблять горячіе напитки не во время и безъ нужды. При встрѣчѣ съ крестьянами, кланялся имъ первый, чтобы содѣйствовать смягченію ихъ грубыхъ нравовъ. Во время прогулокъ по полямъ, если случалось ему видѣть работниковъ, спавшихъ на голой землѣ, онъ бралъ въ охапку сѣно, и клалъ имъ подъ головы, «чтобъ они не простудились»; запрещалъ на работѣ пить холодную воду, и для этого высылалъ изъ господскаго дома квасъ. Платилъ жалованье своимъ дворовымъ людямъ, что въ тогдашнее время было рѣдкостью; безденежно снабжалъ бѣдныхъ крестьянъ скотомъ и ло-

шадьми; во время болѣзни, всѣмъ помогалъ лѣкарствами и деньгами; даже чужимъ-прохожимъ велѣлъ давать пріютъ и пищу. Нельзя было не полюбить такого помѣщика—и крестьяне дѣйствительно его полюбили. Онъ же былъ для нихъ и прекраснымъ примѣромъ благочестія: постоянно посѣщалъ божественную службу, и, приходя въ церковь, по старинному обычаю православныхъ, сначала обращался къ свѣчнику, отдавая ему деньги на свѣчи, потомъ, перекрестившись нѣсколько разъ, кланялся на всѣ четыре стороны, наконецъ становился у праваго клироса. Въ своемъ помѣстьи онъ обновилъ церковь, поставивъ въ ней новый иконостасъ, и построилъ каменную колокольню вмѣсто деревянной. Благодѣтельствовалъ и монахамъ Вишерской обители, которые не иначе называли его, какъ своимъ кормильцемъ.

Повидимому, Сперанскій могъ быть доволенъ теперешнимъ своимъ положеніемъ; но мысль сойти во гробъ въ видѣ государственнаго преступника и оставить въ наслѣдство дочери безчестное имя постоянно тревожила его. Ему хотѣлось непремѣнно оправдать себя; но какъ и чрезъ кого было повести дѣло, чтобъ допустили его къ самому оправданію? Въ 70 верстахъ отъ Великополья было село Грузино, принадлежавшее графу Аракчееву, который былъ теперь могущественнымъ временщикомъ и давалъ ходъ всѣмъ дѣламъ, стекавшимся въ созданную имъ и даже бывшую у него на дому Государеву канцелярію. Посѣщая грузинскую обитель, Сперанскій встрѣтился тамъ съ Аракчеевымъ и переговорилъ съ нимъ. Послѣ этого свиданья онъ написалъ два письма: одно къ Государю, прося въ немъ милостиваго вниманія къ своей судьбѣ, а другое—къ Аракчееву, указывая на двѣ мѣры къ своему оправданію, чтобы или учиненъ былъ надъ нимъ судъ, или дозволено было ему поступить на службу и дѣлами доказать правоту свою. Отвѣтомъ на эти письма, которыя оба читалъ

Императоръ, былъ именной указъ о назначеніи Сперанскаго пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ указѣ сказано было, что, по внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ его не найдено «убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ»; но пріѣздъ въ Петербургъ все-таки не былъ ему разрѣшенъ, а предложено было отправиться изъ деревни прямо въ Пензу. Тогда же послѣдовало повелѣніе, чтобы, сверхъ губернаторскаго жалованья, производить Сперанскому и тѣ деньги, которыя назначены были ему въ Перми; а чрезъ нѣсколько времени велѣно было и аренду продолжить еще на 12 лѣтъ. Вѣсть о возвращеніи ссыльнаго на службу поразила всѣхъ, и подала поводъ къ разнымъ толкамъ, а врагамъ его — къ изобрѣтенію новыхъ козней. Въ надеждѣ, что новое назначеніе, какъ только временное, будетъ непродолжительно, Сперанскій рѣшился не брать съ собою дочери, и отправилъ ее къ г-жѣ Вейкардтъ въ Петербургъ, гдѣ остались также братъ его Козьма Михайловичъ и Цейеръ, вдругъ опредѣленный на службу въ коммиссію законовъ, и произведенный въ статскіе совѣтники.

VII.

По дорогѣ въ Пензу, Сперанскій посѣтилъ свое Черкутино, гдѣ пробылъ цѣлый день, а потомъ и городъ Владиміръ, въ которомъ нѣкогда воспитывался. Послѣ визитовъ, сдѣланныхъ тамошнему губернатору и архіерею, онъ заѣхалъ къ любимой и уважаемой имъ Смирновой, у которой за чашкой кофе и закуской провелъ въ бесѣдѣ цѣлый часъ. Отправившись потомъ въ семинарію, онъ съ особеннымъ почетомъ встрѣченъ былъ ея начальствомъ, которое провожало его по всему корпусу, такъ-что семинаристы удивлялись, какъ это и самъ владыка ихъ отдавалъ почетъ «какому-то человѣку въ нанковомъ сюртукѣ вишнева-

го цвѣта». Тутъ же представился ему бывшій его наставникъ, каѳедральный протоіерей Пѣвницкій, къ которому онъ подошелъ подъ благословеніе; а профессоръ богословія, также знакомый ему по Петербургской академіи, поднесъ ему въ даръ впервые напечатанную тогда церковно-библейскую исторію Филарета. Возвратясь домой, онъ принялъ визитъ губернатора, къ которому отправился и обѣдать; потомъ посѣтилъ еще разъ своихъ родныхъ, которые всѣ вмѣстѣ собрались въ одномъ домѣ, и, простившись съ ними, ночью уѣхалъ изъ Владиміра.

По пріѣздѣ въ Пензу, онъ тотчасъ сдѣлалъ визиты всѣмъ тамошнимъ знаменитостямъ, не дожидаясь ихъ представленій; и такою предупредительностію и любезностію обращенія обворожилъ всѣхъ, особенно аристократическихъ старушекъ, которыя просто обезумѣли отъ его привѣтовъ. Новаго своего начальника съ восторгомъ принялъ и простой народъ, смотрѣвшій на Сперанскаго, какъ на невиннаго страдальца, оклеветаннаго, какъ носился слухъ именно въ Пензенской губерніи, за то, что подалъ Государю проектъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Первое благопріятное впечатлѣніе новый губернаторъ умѣлъ поддержать и первыми своими дѣйствіями: строгій и безпристрастный судъ надъ поступками какъ крестьянъ, взбунтовавшихся въ одномъ селѣ, такъ и помѣщиковъ, позволявшихъ себѣ жестокое обращеніе съ своими крестьянами, доказалъ однимъ, что онъ не потакаетъ крестьянамъ, а другимъ, что онъ не щадитъ и дворянъ — и его всѣ уважали. Онъ охотно также бралъ на себя доводить до свѣдѣнія высшаго начальства о дѣлахъ тяжебныхъ, несправедливо рѣшенныхъ: такъ по его ходатайству крестьянамъ одного села возвращена была земля вблизи селенія, которая изстари имъ принадлежала, но которую межевыя власти замѣнили другою, отдаленною отъ села и неспособною къ хлѣбопашеству, что въ теченіе

нѣсколькихъ лѣтъ подавало поводъ къ ссорамъ, дракамъ даже убійствамъ. Вообще всѣхъ, являвшихся къ нему съ просьбами, внимательно выслушивалъ, дѣлая справедливыя рѣшенія по дѣламъ каждаго: разъ въ числѣ просителей онъ увидѣлъ Маркова, бывшаго камердинера Куракина — бросился къ нему, обнялъ его и при всѣхъ сталъ разсказывать о своихъ прежнихъ къ нему отношеніяхъ. Дѣятельность свою пензенскій губернаторъ простеръ дотого, что бумаги, сколько-нибудь важныя, всегда самъ писалъ; къ чему впрочемъ вынуждало его и то обстоятельство, что канцеляріи наполнены были неспособными чиновниками, а способныхъ негдѣ было взять, особенно при ограниченности матеріяльныхъ средствъ. Потому-то молодыхъ чиновниковъ, которые подавали какую-нибудь надежду, онъ всегда отличалъ, приближалъ къ себѣ, и руководилъ, давая имъ добрые совѣты; хотя и къ слабостямъ подъячихъ чрезвычайно былъ снисходителенъ. Каждый воскресный и праздничный день послѣ обѣдни онъ посѣщалъ тюремный замокъ и заведенія приказа общественнаго призрѣнія: все осматривалъ, разговаривалъ съ арестантами, молился вмѣстѣ съ ними во время молебна, отвѣдывалъ кушанья во время обѣда. На Сперанскаго стали смотрѣть, какъ на благодѣтеля края, и дворянство поднесло ему слѣдующій адресъ: «Дворянство Пензенской губерніи, въ положеніи своемъ, поручило мнѣ (т. е. губернскому предводителю) изъявить предъ лицомъ вашего Превосходительства чувства живѣйшей и должной его благодарности за оказываемое всегда попеченіе о пользахъ дворянскихъ и то участіе, которое ваше Превосходительство всегда принимать изволили въ нуждахъ всѣхъ и каждаго.» Навсегда памятны остались въ Пензѣ и зубныя капли, которыя онъ разъ предложилъ своимъ чиновникамъ, вошедшимъ къ нему въ кабинетъ съ подвязанными щеками: до сихъ поръ онѣ продаются въ пензенскихъ аптекахъ подъ названіемъ: *зубныя*

капли Сперанскаго. Самому ему Пенза очень понравилась, такъ-что онъ купилъ имѣніе Ханеневку въ 25 верстахъ отъ города, и выписалъ къ себѣ дочь, пріѣхавшую къ нему съ г-жою Вейкардтъ. Тутъ же онъ началъ изучать нѣмецкій языкъ, при помощи только Библіи и словарей, и продолжалъ изученіе еврейскаго языка, подъ руководствомъ ректора тамошней семинаріи и одного еврея, незадолго предъ тѣмъ принявшаго христіанство.

Въ Пензѣ — не то, что въ Нижнемъ или въ Перми — Сперанскій былъ въ постоянной перепискѣ съ министрами, которые, зная его умъ, свѣдѣнія, государственныя дарованія, постоянно обращались къ нему съ разными вопросами, желая узнать его мнѣніе. Такъ Гурьевъ посылалъ къ нему на обсужденіе свои финансовые проекты, и онъ отвѣчалъ на нихъ обширными записками. На изъявленное княземъ Голицынымъ опасеніе по выполненію обязанностей министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія онъ между-прочимъ отвѣчалъ: «То-же Провидѣніе, которое распредѣляетъ званія, даетъ и силу къ ихъ прохожденію», указывая при этомъ на необходимость «твердаго и здраваго образа мыслей и духа благочестія». Въ одномъ письмѣ къ графу Кочубею онъ писалъ: «Я считалъ бы за грѣхъ утаить отъ васъ образъ моихъ мыслей въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ, по общему мнѣнію, приписываютъ вамъ сильное участіе.» Три раза онъ писалъ и лично къ Государю: въ двухъ письмахъ, на которыя удостоился и отвѣта, онъ приносилъ поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ и новымъ годомъ, коснувшись въ одномъ изъ нихъ библейскихъ обществъ, какъ орудій къ распространенію въ народѣ чтенія Священнаго Писанія; а въ третьемъ выражалъ благодарность за пожалованныя ему, по ходатайству Гурьева, 5,000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи въ награду за успѣшныя распоряженія его по операціи питейной продажи. Но переписываться съ Петербургомъ было не то, что самому быть

въ Петербургѣ, чего ему очень хотѣлось, что не выходило у него изъ ума. Когда прибылъ въ Пензу графъ Нессельродъ, управлявшій уже тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Сперанскій высказалъ ему желаніе проситься въ сенаторы, о чомъ чрезъ министра полиціи послалъ и письмо къ Государю, оставшееся впрочемъ безъ всякихъ послѣдствій. Потомъ онъ обратился къ посредничеству Кочубея, выражая въ своемъ письмѣ, что ему нужно было бы побывать въ Петербургѣ единственно для того, чтобы заявить, что онъ «болѣе не ссыльный», и что изгнаніе его кончилось. На это письмо Кочубей отвѣчалъ, что лучше ему проситься въ отпускъ по домашнимъ обстоятельствамъ, или же, изложивъ на бумагѣ мысли о губернскомъ устройствѣ, представить записку лично Государю. Сперанскій и взялся было за эту работу; но въ тоже время послалъ къ министру полиціи (Вязмитинову) просьбу о четырехмѣсячномъ отпускѣ въ Петербургъ для устройства домашнихъ дѣлъ; а къ дочери, которая опять жила въ столицѣ, писалъ: «Рѣшась одинъ разъ, я буду просить сто разъ и неотступно.» Въ самомъ дѣлѣ, едва прошелъ мѣсяцъ, онъ послалъ письмо и къ графу Аракчееву, котораго также просилъ объ исходатайствованіи ему отпуска, да еще о покупкѣ въ казну Великополья. При маловажномъ доходѣ, это имѣніе требовало большихъ издержекъ; въ частныя руки не могло быть продано, потому-что окружено было землями, принадлежавшими военному поселенію; а деньги нужны были Сперанскому на уплату Хапеневки. Можно вообразить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ теперь отвѣтовъ изъ Петербурга, особенно двойнаго отвѣта отъ Аракчеева!

Разъ послѣ обѣда губернаторъ сидѣлъ въ кабинетѣ подлѣ окна, и читалъ Геродота въ греческомъ подлинникѣ. Вдругъ на улицѣ послышался колокольчикъ: заглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ фельдъегеря. Рѣпинскій, дежурившій

тогда по канцеляріи, которая была въ одномъ этажѣ съ кабинетомъ, доложилъ, что фельдъегерь пріѣхалъ отъ Государя. Что подумалъ въ эту минуту Сперанскій—отгадать нетрудно; но что вычиталъ онъ въ привезенной ему копіи указа, того и не предполагалъ: онъ назначался сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Аракчеевъ, извѣщая при этомъ о покупкѣ Великополья для военныхъ поселеній, указывалъ на новое его назначеніе, какъ на причину, не позволившую просить Государя объ его отпускѣ. «Настаивать у Государя объ отпускѣ вашемъ, писалъ онъ, въ то самое время, когда Его Величеству угодно было удостоить васъ новою довѣренностію и дать вамъ препорученіе столь важное для пользы государства, мнѣ показалось неприличнымъ.» Итакъ вмѣсто Петербурга Сперанскому пришлось ѣхать въ Иркутскъ.

Отчего назначеніе Сперанскаго генералъ-губернаторомъ Сибири считалось очень важнымъ? и какъ оно произошло? Сибирь, страна, неизмѣримая по своему пространству, не имѣла особыхъ законовъ примѣнительно къ разнымъ своимъ мѣстностямъ и разнообразному населенію, и въ это время управляема была генералъ-губернаторомъ Пестелемъ, который, заведя въ сенатѣ судебное дѣло съ отрѣшенными имъ отъ должности губернаторами, и пользуясь особеннымъ покровительствомъ Аракчеева, одиннадцать лѣтъ жилъ съ своею канцеляріею въ Петербургѣ. Въ слѣдствіе этого страна, лишенная личнаго надзора главнаго начальника, подверглась деспотизму мѣстныхъ начальниковъ, изъ которыхъ, напримѣръ, иркутскій губернаторъ Трескинъ заставлялъ своихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и вице-губернатора, снимать и подавать себѣ шубу; а лихоимство, по отсутствію всякой отвѣтственности доведено было до высшей степени. Народъ стеналъ отъ несправедливостей и поборовъ, и жалобы его дошли наконецъ до Государя, сильно занятаго впрочемъ въ это время военными дѣйствіями. Комитетъ министровъ, разсматри-

вавшій дѣла Пестеля, рѣшилъ, что въ Сибирь нужно послать новаго генералъ-губернатора съ порученіемъ обозрѣть всѣ части, произвесть по жалобамъ законное изысканіе и обо всемъ донести Государю, чтобъ виновныхъ предать суду. Когда и Аракчеевъ, охладѣвшій къ своему кліенту, согласился подписать журналъ комитета; то послѣдовалъ указъ о замѣщеніи Пестеля Сперанскимъ. Все это происходило въ то самое время, когда послѣдній сильно хлопоталъ объ отпускѣ. Въ новомъ назначеніи его нельзя было не видѣть особеннаго довѣрія къ нему Государя. Фельдъегерь вмѣстѣ съ копіею указа привезъ два собственноручныя письма Императора, изъ которыхъ въ одномъ сказано было: «Болѣе трехъ лѣтъ протекло съ того времени, какъ призвавъ васъ къ новому служенію, ввѣрилъ Я вамъ управленіе Пензенскою губерніею. Открывъ такимъ образомъ дарованіямъ вашимъ новый путь сдѣлаться полезнымъ отечеству, не переставалъ Я помышлять о способѣ, могущемъ изгладить изъ общихъ понятій прискорбныя происшествія, послѣдовавшія съ вами въ 1812 году и столь тягостныя Моему сердцу, привыкшему въ васъ видѣть одного изъ приближенныхъ къ себѣ. Сей способъ, по Моему мнѣнію, былъ единственный, т. е. служеніемъ вашимъ дать вамъ возможность доказать явно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ. Иначе призывъ вашъ въ Петербургъ походилъ бы единственно на послѣдствіе дворскихъ измѣненій и не загладилъ бы въ умахъ оставшіяся непріятныя впечатлѣнія.» Тутъ же говорилось, что онъ заслугами своими дастъ Государю «явную причину приблизить къ себѣ»; что по окончаніи занятій по устройству и управленію Сибирскаго края, изложенное имъ начертаніе онъ самъ привезетъ въ Петербургъ, для чего назначалось времени годъ или полтора; что тогда онъ навсегда останется въ Петербургѣ при лицѣ Государя, а на его мѣсто назначенъ будетъ другой. Какъ ни льстило все это само-

любію Сперанскаго, какъ ни ревностно думалъ онъ выполнить новое свое назначеніе; но оно тронуло его до глубины души особенно потому, какъ выразился онъ въ письмѣ къ Аракчееву, что «публика знаетъ только два слова: отказъ въ отпускѣ и удаленіе!» Узнавъ объ этомъ, Государь поручилъ князю Голицыну увѣрить его, что новое назначеніе произвело хорошее дѣйствіе на публику, что публика увидѣла въ немъ доказательство особаго довѣрія къ нему Государя, и ожидаетъ отъ него благодѣтельныхъ послѣдствій для Сибири, и что она даже не знаетъ о просьбѣ его объ отпускѣ. Въ то-же время высшіе чиновники, предвидя его возвращеніе къ прежнему могуществу, изливались предъ нимъ въ своихъ поздравительныхъ и привѣтственныхъ письмахъ, въ которыхъ превозносили новаго генералъ-губернатора до небесъ. Нечего дѣлать: Сперанскій долженъ былъ покориться своей участи.

Проводы любимаго начальника губерніи такъ описаны въ Московскихъ вѣдомостяхъ: «Въ прошедшую среду, мая 7-го дня, разстались мы съ почтеннѣйшимъ начальникомъ нашимъ Михаиломъ Михайловичемъ Сперанскимъ. Взысканный отличною довѣренностію Монарха, онъ возведенъ въ званіе Сибирскаго генералъ-губернатора. Любя и почитая его душевно, всѣ жители какъ города, такъ и губерніи Пензенской радовались сему событію; но чувство невольнаго огорченія отравляло радость сію: мы должны были съ нимъ разстаться! 29-го апрѣля Пензенское дворянство и именитое купечество давали ему въ знакъ признательности блистательный балъ въ домѣ благороднаго собранія, а 7-го мая, въ день его отъѣзда, приготовили на берегахъ Суры, на томъ мѣстѣ, гдѣ ему должно было черезъ сію рѣку переправляться, большой завтракъ. Всѣ, кто только могъ быть тутъ, желали еще разъ видѣть любимаго начальника. Стеченіе народа было чрезвычайное. Когда губернскій предводитель отъ лица цѣлой губерніи изъявилъ ему благодарность

за кроткое и правосудное управленіе, и пожелалъ безпрерывныхъ благъ, никто не могъ удержаться отъ слезъ, и отъѣзжающій также заплакалъ, и однѣми слезами могъ отвѣчать на искреннее изъявленіе чувствъ истинной привязанности. Взоры присутствовавшихъ провожали его за Суру до того времени, когда карета скрылась изъ виду; безпрестанные крики народа сопровождали его благословеніями; да и кто жъ бы не благословилъ его? Кто могъ быть имъ недоволенъ? какой несчастный остался неутѣшеннымъ? Утро 7 мая на берегахъ Суры было истиннымъ торжествомъ добродѣтели. Хвала начальнику, умѣющему такимъ образомъ привязывать управленію его ввѣренныхъ! Никогда память о пребываніи Михаила Михайловича не истребится у пензенскихъ жителей, и мы увѣрены, что гдѣ бы онъ ни былъ, всегда будетъ почитать здѣшнихъ жителей своимъ семействомъ, привязаннымъ къ нему узами благодарности, почтенія и любви нелицемѣрной». Ко всему этому можно присовокупить, что печатный пригласительный билетъ на балъ Сперанскій хранилъ всегда какъ бы родъ трофея; что въ день бала противъ дома горѣла иллюминація, а при входѣ надъ портикомъ красовался транспарантъ съ надписью: *М. М. Сперанскому*, въ залѣ же были два транспаранта, и одинъ съ надписью: *21 октября 1816 и 29 апрѣля 1819.* При отъѣздѣ многіе просили его о своихъ родныхъ и знакомыхъ, сосланныхъ въ Сибирь; а депутаты отъ дворянства провожали его до самой границы Пензенской губерніи.

Путешествіе Сперанскаго изъ Пензы въ Иркутскъ представляло не поѣздку обыкновенную, а выполненіе по дорогѣ цѣлаго ряда служебныхъ обязанностей, исключая первые два—три города. Въ Казани, гдѣ ожидала его часть бывшей канцеляріи Пестеля и причисленные къ ней по его желанію Цейеръ и молодой Вейкардтъ, онъ осматривалъ городъ, чрезъ который когда-то провезли его мель-

комъ, и, послѣ посѣщенія университета, сдѣлалъ визитъ профессору Фуксу. Въ Перми, мѣстѣ недавнихъ его страданій, данъ былъ въ честь его балъ губернаторомъ; а преосвященный Іустинъ, при одномъ намекѣ о Библіи (Biblia Poliglotta), отдалъ ее теперь ему даромъ, хотя отдаренъ былъ послѣ чрезъ посредника золотою табакеркою. Далѣе по пути онъ осматривалъ заводы, Екатеринбургскій монетный дворъ, присутственныя мѣста, больницы и остроги. Въ Тюмени купечество поднесло ему на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль, которые онъ принялъ съ возвращеніемъ впрочемъ самаго блюда. Въ Тобольскѣ на встрѣчу ему высыпали чиновники, купечество и народъ; а на другой день онъ принималъ у себя должностныхъ лицъ. Отсюда онъ повѣстилъ сибирскія губернскія правленія, что «прибывъ на мѣсто, вступаетъ въ отправленіе должности». Тогда объявилъ, что жалобы на мѣстное начальство не составляютъ преступленія, и по приносимымъ жалобамъ велѣлъ производить слѣдствія, а по произведеннымъ слѣдствіямъ дѣлалъ разныя перемѣны. Тогда же велѣлъ выпустить изъ арестантской одного подполковника, невинно посаженнаго Пестелемъ на гауптвахту и содержавшагося тамъ одиннадцать лѣтъ. Изъ Тобольска онъ взялъ съ собою Батенькова, инженера путей сообщенія, который обратилъ на себя его вниманіе и впослѣдствіи сдѣлался членомъ его семейства. Въ Омской крѣпости онъ принятъ былъ начальникомъ штаба съ военными почестями, какія велѣно было ему отдавать наравнѣ съ корпуснымъ командиромъ. Тутъ Киргизы устроили для него ристалище, на которомъ молодые парни поочередно нагоняли верхами скачущую дѣвушку: она отбивалась отъ нихъ плетью, и дѣлалась невѣстою того, кто не смотря на удары, обнималъ бѣглянку. По пріѣздѣ въ Томскъ, онъ прежде всего выказалъ свою благородную, возвышенную душу. Тамъ губернаторомъ былъ Илличевскій, его товарищъ по Александроневской се-

минаріи и по его же ходатайству опредѣленный въ эту должность, тотъ самый Илличевскій, который, отправляясь на мѣсто своего назначенія чрезъ Пермь, проскакалъ мимо, когда опальный Сперанскій вышелъ къ нему за городъ на встрѣчу. Не зная чувства мести, Михаилъ Михайловичъ самъ сдѣлалъ визитъ Илличевскому, и своимъ обращеніемъ успокоилъ его, будто между ними ничего не бывало. Въ Томскѣ онъ самъ лично занялся разборомъ жалобъ на притѣсненія, монополіи и взятки, и гражданскій искъ рѣшалъ личною расправою: обличенный или сознавшійся во взяткахъ тутъ же долженъ былъ возвращать незаконно присвоенное. «Желалось бы и должно бы было большую часть исполнителей смѣнить и отрѣшить; но кѣмъ замѣстить отрѣшаемыхъ»? писалъ онъ Голицыну, желая показать свое затруднительное положеніе. Въ Красноярскомъ уѣздѣ одинъ крестьянинъ проболтался предъ генералъ-губернаторомъ, что они приготовили просьбу на исправника, но потомъ разсудили, что этотъ исправникъ еще человѣкъ порядочный: «ты, можетъ, опредѣлишь худшаго, продолжалъ крестьянинъ, потому-что гдѣ же тебѣ взять хорошаго? а намъ отъ новаго за просьбу крѣпко достанется; притомъ этотъ ужъ сытъ, другой пріѣдетъ голодный». При въѣздѣ въ Иркутскую губернію, самое гнѣздо злоупотребленій, по поданнымъ двумя сѣдыми стариками просьбамъ о своеволіи и поборахъ нижнеудинскаго исправника Лоскутова, который разъѣзжалъ по деревнямъ съ возомъ прутьевъ и розогъ, и такимъ образомъ держалъ въ страхѣ весь край, Сперанскій тутъ же отрѣшилъ его отъ должности и арестовалъ, учредивъ надъ нимъ слѣдственную коммиссію, и отправивъ имущество его на сумму до 80,000 въ Иркутскъ. Чтобы слѣдить за розысканіями этой коммиссіи, онъ самъ поѣхалъ въ Нижнеудинскъ, гдѣ завалили его новыми жалобами, и откуда онъ писалъ дочери: «Здѣсь-то настоящая Сибирь, и здѣсь-то наконецъ я чувствую, что Прови-

дѣніе, всегда правосудное, не безъ причины меня сюда послало. Я былъ здѣсь дѣйствительно ему нуженъ, чтобъ уменьшить страданія, чтобъ оживить надежды, почти уже исчезавшія, и ободрить терпѣніе слишкомъ утомленное.» Между дѣлъ мрачныхъ и гнусныхъ, чтобъ отдохнуть душою, онъ читалъ здѣсь Шлегелеву *исторію древней и новой литературы*, и прочелъ первую ея часть, сдѣлавъ на нее нѣсколько своихъ замѣчаній. По пріѣздѣ въ Иркутскъ, гдѣ ему нужно было поселиться, и гдѣ ожидала его великолѣпная встрѣча съ иллюминованіемъ самаго города, онъ на четвертый день учредилъ двѣ слѣдственныхъ коммиссіи — одну въ Иркутскѣ, другую въ Верхнеудинскѣ, а потомъ согласно съ даннымъ ему полномочіемъ отрѣшилъ отъ должности Трескина.

О дѣятельности Сперанскаго, какъ генералъ-губернатора Сибири, можно судить между-прочимъ по письму его къ министру финансовъ, который нашелъ его и здѣсь, и просилъ у него мнѣнія по отчету государственныхъ кредитныхъ установленій. «Среди ежедневныхъ жалобъ, доносовъ и вопля злоупотребленій, писалъ онъ Гурьеву, большіе государственные вопросы не находятъ почти мѣста въ головѣ. Можетъ-быть, со временемъ обозрѣвшись найду способъ перевести духъ и исполнить ваше порученіе.» При недостаткѣ способныхъ и надежныхъ чиновниковъ, генералъ-губернаторъ многое долженъ былъ дѣлать и писать самъ даже въ кругу ревизіи: «Управленіе безъ людей, писалъ онъ тому-же Гурьеву, обширное производство дѣлъ почти безъ канцеляріи или, что еще хуже, съ канцеляріею чужою, и въ довершеніе всего родъ дѣлъ, совершенно противный и склонностямъ моимъ и привычкамъ!» Но кромѣ ревизіи и обнаруженія злоупотребленій, опутавшихъ Сибирь, у Сперанскаго была и другая важная работа — составленіе проекта новаго устройства ея управленія. Для этого сначала собраны были матеріялы или разныя свѣдѣ-

нія о Сибири, которыми впослѣдствіи наполнились цѣлые шкапы. Чтобы лучше ознакомиться съ краемъ, генералъ-губернаторъ и самъ обозрѣвалъ нѣкоторые уѣзды Иркутской губерніи, напримѣръ, Верхнеудинскій и Нижнеудинскій: всматривался въ Бурятъ, въ ихъ образъ управленія, въ ихъ ламайское богослуженіе, бесѣдовалъ съ ихъ тайшою (говорившимъ порусски), и видѣлъ, до какой степени они близки къ принятію христіанской вѣры. Въ Троицко-Савской крѣпости онъ принималъ дзаргучея въ полномъ мундирѣ съ желтой лентой черезъ плечо (орденъ прусскаго краснаго орла): при видѣ желтаго цвѣта, высокочтимаго въ Китаѣ, тотъ упалъ на колѣни, и, подойдя къ нему ползкомъ, протянулъ руки; Сперанскій, по китайскому обычаю, подалъ ему мизинецъ. Въ Кяхтѣ онъ соображалъ, какъ проложить сюда сухопутную дорогу вокругъ Байкала, о чомъ дѣлались уже розысканія, и думалъ о способѣ означенія китайской границы, переговоры по которой съ Китаемъ при немъ же были кончены. Знакомство съ страною посредствомъ собственныхъ наблюденій не могло не отразиться и въ проектахъ по новому устройству Сибирскаго управленія, которые, при энергической дѣятельности, свойственной Сперанскому, и при усиленной работѣ Батенькова, скоро были составлены. Въ *учрежденіи для управленія Сибирскихъ губерній* указанъ общій порядокъ управленія, наиболѣе сообразный съ положеніемъ страны, а въ разныхъ *уставахъ* и *положеніяхъ* указаны особыя части управленія примѣнительно къ разнымъ мѣстнымъ потребностямъ. *Уставомъ объ управленіи Сибирскихъ Киргизовъ* Сперанскій обратилъ Киргизскую степь въ полное подданство одной Россіи, съ учрежденіемъ Омской области постепенно подвигая туда гражданское устройство, и устранивъ при послѣдовавшей тогда смерти киргизскаго Хана вліяніе Китайцевъ на выборъ и утвержденіе въ ханское званіе. *Уставомъ о ссыльныхъ* дѣтямъ и дальнѣйшему ихъ

*

потомству, обреченнымъ на одинаковую участь съ ихъ отцами, даровано было право вступать въ свободныя сельскія и городскія сословія. Не ограничиваясь ревизіею и проектами, Сперанскій дѣлалъ для ввѣренной ему страны все, что могъ сдѣлать полезнаго въ краткій періодъ своего генералъ-губернаторства, и что не выходило изъ предѣловъ его власти. Заводилъ, напримѣръ, еженедѣльныя собранія, о которыхъ такъ писалъ къ своей дочери: «Завожу и здѣсь еженедѣльныя собранія: ибо мнѣ нужны точки соединенія; нужно снять оковы прежняго суроваго и угрюмаго правительства. Едва вѣрятъ здѣшніе жители, что они имѣютъ нѣкоторую степень свободы, и могутъ безъ спроса и дозволенія собираться танцовать или ничего не дѣлать.» По его мысли, въ Иркутскѣ учреждена школа взаимнаго обученія, положено начало благотворительному обществу, и открыто, какъ и въ Пензѣ, библейское отдѣленіе для распространенія въ народѣ чтенія Священнаго Писанія. Онъ же оказалъ покровительство экспедиціи, отправлявшейся для обозрѣнія сѣверовосточныхъ береговъ Сибири, и состоявшей между-прочимъ изъ морскихъ офицеровъ — барона Врангеля, Анжу и Матюшкина: безъ этого покровительства, замѣчаетъ Врангель, отъ недостатка мѣстныхъ способовъ предпріятіе ихъ рушилось бы въ самомъ началѣ. Этой экспедиціи и новой духовной миссіи, отправлявшейся въ Китай, онъ вмѣстѣ давалъ прощальный обѣдъ. Въ свободное время сибирскій генералъ-губернаторъ читалъ Миллера, Клопштока, въ письмахъ къ Уварову и Тургеневу прося снабжать его новостями литературы; продолжалъ изучать нѣмецкій языкъ, и очень обрадовался, когда узналъ, что у Матюшкина есть сочиненіе Палласа (Nordische Beiträge), которое и выпросилъ у него; кромѣ-того готовилъ къ университетскому курсу молодаго Вейкардта, самъ занимаясь съ нимъ языками латинскимъ и французскимъ. Бывалъ на вечерахъ и званыхъ обѣдахъ; но ни съ кѣмъ не сближался,

кромѣ директора гимназіи Словцова, прежняго своего товарища.

Между-тѣмъ мысль о возвращеніи въ Петербургъ и ко Двору постоянно занимала его. Чрезъ три мѣсяца по прибытіи въ Иркутскъ, онъ уже писалъ къ Кочубею, бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, которому съ упраздненіемъ министерства полиціи и онъ подчинялся: «По выраженію рескрипта, дѣло, мнѣ поручаемое, могло продолжиться годъ или полтора. Посему я могъ бы имѣть право считать и возвращеніе мое и срокъ его уже рѣшенными. Но привыкнувъ къ строгой покорности, я не хочу испортить осьмилѣтняго моего терпѣнія минутною нетерпѣливостію, и потому полагаю въ январѣ мѣсяцѣ дать краткій отчетъ въ положеніи дѣлъ и, означивъ срокъ ихъ окончанія, письмомъ на имя Всемилостивѣйшаго Государя испрашивать и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.» Когда дѣла по розысканію злоупотребленій и по составленію проектовъ новаго устройства Сибири начали приходить къ концу, онъ посылалъ письмо за письмомъ то къ Голицыну, то къ Кочубею, прося ихъ ходатайствовать, настаивать объ его отозваніи. Къ Голицыну между-прочимъ писалъ, прилагая къ письму и докладъ для поднесенія Государю: «Покамѣстъ тотъ-же порядокъ и тѣ-же люди, тѣ-же будутъ и послѣдствія. Возникнутъ ропотъ и жалобы, и я, бывъ присланъ сюда для слѣдствій, въ концѣ сего года самъ могу быть подверженъ слѣдствіямъ. Присоедините къ сему, что ревизія поставила меня по необходимости въ непримиримую вражду почти со всѣми чиновниками. Одни преданы суду, другіе находятся подъ слѣдствіемъ. Могу ли я дѣйствовать не только съ честію, но даже и безъ опасности? Признаюсь вамъ въ моей слабости: при мрачныхъ здѣшнихъ дѣлахъ, сіи мрачныя мысли столько меня смущаютъ, что я не помню въ жизни положенія — вѣрьте всей силѣ и искренности сего слова — болѣе для меня затруднительнаго и жестокаго.» Мысль оста-

вить Сибирь и возвратиться въ Петербургъ превратилась теперь въ его душѣ въ чувство тоски по родинѣ, производила въ ней лихорадочную тревогу, приняла характеръ моральной болѣзни. Какъ же обрадовался онъ, когда Кочубей въ формальной бумагѣ объявилъ ему высочайшую волю — прибыть въ Петербургъ съ дѣлами сибирскими къ исходу октября того года! Тотчасъ отправлена была съ отходившими тогда изъ Иркутска судами большая часть его имущества. Но только-что прошло двѣ недѣли, вдругъ онъ получаетъ чрезъ князя Голицына высочайшій рескриптъ, въ которомъ исходъ октября 1820 года замѣнялся послѣдними днями марта 1821 года! Такою внезапною перемѣною онъ пораженъ былъ, точно громовымъ ударомъ, который случился возлѣ него, не сдѣлавъ ему никакого вреда, но заставивъ его вздрогнуть всѣмъ существомъ. Онъ тотчасъ перенесся мыслію къ своимъ врагамъ, и сталъ думать, что такую перемѣну успѣли сдѣлать они. Отъ этой мысли очень недалеко было и до предположенія, что они найдутъ благовидный предлогъ еще отсрочить, а потомъ и совсѣмъ заточить его въ Сибири: такое предположеніе приводило его въ ужасъ. Въ этомъ тревожномъ состояніи духа онъ писалъ къ Кочубею: «Всѣ сіи опасенія представляются мнѣ столько вѣроятными, что я рѣшился сдѣлать еще шагъ, тотъ самый, который и прежде имѣлъ въ виду, а именно просить совершенной отставки. Я разсчелъ, кажется, правильно всѣ послѣдствія. Если отставка послѣдуетъ, то вѣроятно съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы, и я отправлюсь умирать въ Пензу.» Между-тѣмъ отсрочка сдѣлана была какъ потому, чтобъ дать ему болѣе времени для обозрѣнія еще разъ Сибири, о которомъ онъ самъ писалъ, такъ и потому, что въ октябрѣ предполагались у Государя такія дѣла, по которымъ онъ не могъ заняться съ Сперанскимъ дѣлами сибирскими: въ этомъ смыслѣ и отвѣчалъ ему Кочубей на его письмо. Успокоенный Сперанскій съ неопи-

саннаю радостію отправился въ обратный путь. Онъ возвращался по той-же дорогѣ, по которой и прибылъ сюда. Въ Пензѣ встрѣченъ былъ дворянствомъ у городской заставы, и почтенъ былъ обѣдами и празднествами, нарочно для него приготовленными. Въ Рязани имѣлъ неожиданную встрѣчу съ Балашовымъ, который былъ теперь генералъ-губернаторомъ пяти губерній, и жилъ въ этомъ городѣ. Въ Москвѣ почтенъ былъ визитами отъ многихъ, которые считали нелишнимъ напередъ и на всякій случай покадить вновь восходящему свѣтилу; но самъ не дѣлалъ визитовъ, для чего и уѣхалъ оттуда на другой же день. Наконецъ радостный трепетъ овладѣлъ Сперанскимъ: предъ нимъ засіяли главы и шпицы петербургскіе. Въ дневникѣ у него записано: «Выѣхалъ 17 марта 1812-го, воротился 22-го марта 1821-го. Странствовалъ девять лѣтъ и пять дней». Остановился онъ у друга своего Жерве въ Малой Морской, откуда потомъ переѣхалъ въ домъ, занимаемый нынѣ училищемъ Правовѣдѣнія, а отсюда—въ домъ Армянской церкви, гдѣ жилъ около десяти лѣтъ.

VIII.

Появленіе Сперанскаго въ Петербургѣ возбудило множество различныхъ толковъ: кто говорилъ, что Аракчеевъ сдастъ ему все управленіе гражданскою частію; кто предсказывалъ въ немъ будущаго министра юстиціи и т. п. Государь въ это время былъ на конгрессѣ въ Лайбахѣ, куда сибирскій генералъ-губернаторъ и отправилъ донесеніе о своемъ прибытіи въ столицу. До возвращенія Монарха онъ рѣшился не быть ни у кого, кромѣ самыхъ короткихъ своихъ пріятелей; только, по желанію Аракчеева, посѣтилъ Грузино, откуда объѣхалъ военныя поселенія. Когда Государь возвратился изъ-за границы, Сперанскій не тотчасъ

потребовапъ былъ къ пему, что пемало его безпокоило; но потомъ онъ работалъ съ Монархомъ по сибирскимъ дѣламъ почти каждую недѣлю, для чего переѣхалъ въ Царское село въ отведенную ему отъ Дворца квартиру. Въ слѣдъ за тѣмъ опъ пазпачепъ былъ члепомъ государствепнаго совѣта, съ сохраненіемъ прежняго содержанія по званію генералъ-губерпатора, и получилъ въ награду слишкомъ 3,000 десятипъ земли въ Пензенской губерніи; а дочь его пожаловапа была во фрейлипы. Любопытпо знать, въ чомъ состоялъ разговоръ его съ Государемъ при воспоминапіи прошедшаго; но разсказы объ этомъ разныхъ лицъ такъ песогласны между собою, что пе даютъ положительпаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Для разсмотрѣнія сибирскихъ дѣлъ составленъ былъ особый комитетъ, который безусловно одобрилъ все, сдѣланпое Сперапскимъ и показапное въ его отчетѣ по ревизіи. Пестель былъ отставленъ отъ службы; Трескинъ преданъ суду и лишенъ чиновъ и знаковъ отличій съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы; Илличевскій удаленъ отъ должности, хотя при покровительствѣ самаго же Сперанскаго былъ очищенъ въ сенатѣ отъ падавшихъ на него обвиненій; прочихъ — цѣлыя сотпи — кого предали суду, кого отрѣшили отъ мѣстъ, кого подвергли административнымъ взысканіямъ, кого оставили свободными отъ дѣла по бездоказательности обвиненій. Проекты Сперанскаго по устройству Сибири также были приняты комитетомъ и утверждены Государемъ: Сибирь раздѣлена на Восточную и Западную съ особымъ генералъ-губерпаторомъ въ каждой, и новые генералъ-губернаторы назначены были по указанію Сперапскаго. Самый комитетъ, временно составленный, оставленъ былъ, по мысли Сперанскаго, въ отдѣльномъ своемъ существовапіи и на будущее время подъ именемъ *Сибирскаго*, для завѣдыванія дѣлами по дальнѣйшему устройству края. Въ канцеляріи его много работали Цейеръ, Батеньковъ и Рѣпинскій.

Съ пріѣздомъ Сперанскаго, возобновлена была мысль объ уложеніяхъ, для которыхъ коммиссія законовъ сдѣлала уже довольно, что и поручено было ему разсмотрѣть. Онъ донесъ Государю, что проекты коммиссіи съ пропусками и большими недостатками даже по отношенію къ слогу, въ которомъ не доставало ясности и точности, а такъ названный *сводъ* неудачно составленъ; что ихъ нужно исправить, передѣлать, для чего онъ готовъ написать свои примѣчанія; что вся эта работа должна быть разсматриваема и обсуживаема въ государственномъ совѣтѣ, а не въ одной коммиссіи, которую составляетъ Розенкампфъ. Государь согласился съ этимъ планомъ, и государственному совѣту данъ былъ указъ, чтобы назначить особый день въ недѣлю для разсматриванія трудовъ коммиссіи законовъ, и чтобы съ докладами по этому дѣлу входилъ къ нему Сперанскій. Дѣло пошло: въ каждое засѣданіе прочитывалось по одной или по нѣсколько главъ проекта; потомъ выслушивались словесныя или письменныя замѣчанія на нихъ Сперанскаго; затѣмъ слѣдовали разсужденія и заключенія совѣта, по которымъ онъ и составлялъ журналы, подносимые Государю. Но когда совѣтъ положилъ наконецъ утвердить проекты, такимъ образомъ исправленные; то самъ же Сперанскій, находившій въ нихъ еще много недостатковъ и неточностей, воспротивился этому и представилъ Государю, что вводить ихъ въ дѣйствіе нельзя до новой передѣлки ихъ въ цѣломъ составѣ. На томъ дѣло и остановилось. Споръ, который завязался было между Сперанскимъ и княземъ Голицынымъ, утверждавшимъ, что глава о бракѣ должна быть исключена изъ гражданскаго уложенія, рѣшенъ былъ такъ: по связи брачныхъ дѣлъ съ дѣлами гражданскими въ уложеніи гражданкомъ должны быть помѣщены и статьи о бракѣ, но сообразно съ установленіями церкви.

Впрочемъ Сперанскому въ это царствованіе не суждено

уже было выдвинуться на первый планъ. Правда, мнѣніе о немъ перемѣнили; даже Карамзинъ, познакомившись съ нимъ покороче, сталъ смотрѣть на него другими глазами, и свой взглядъ старался поддержать и у Государя. Но охлажденіе къ нему Монарха было очевидно: изъ важнѣйшихъ его работъ и подносимыхъ имъ указовъ ничто не было утверждаемо и подписываемо безъ предварительнаго совѣщанія съ Аракчеевымъ, въ угоду котораго, какъ сильнаго человѣка, онъ даже написалъ брашюру *о военныхъ поселеніяхъ*, защищая ихъ отъ нападокъ общественнаго мнѣнія. По мѣрѣ того какъ съ окончаніемъ сибирскихъ дѣлъ личные доклады его дѣлались рѣже и рѣже и наконецъ совсѣмъ прекратились, такое охлажденіе становилось больше и больше, такъ-что на балахъ Государь не всегда обращался къ нему съ рѣчью, будто не замѣчалъ его, что не ускользнуло отъ наблюдательнаго взора другихъ. Теперь если случалось Сперанскому хлопотать о мѣстѣ для кого-нибудь, то онъ съ трудомъ успѣвалъ, и то не прямо чрезъ министровъ, а больше чрезъ директоровъ департаментовъ. Не разъ, можетъ-быть, приходилось получать и отказъ, хотя самъ онъ, по своему добродушію, не зналъ искусства отказывать, а обращавшихся къ нему съ просьбою всегда отпускалъ не только съ привѣтомъ, но и съ надеждою на исполненіе просимаго.

Не связанный, какъ прежде, служебными обязанностями, Михаилъ Михайловичъ сталъ теперь чаще выѣзжать въ свѣтъ, бывая во всѣхъ домахъ тогдашняго высшаго общества, у кого на обѣдѣ, у кого на вечерѣ. Прежняго отшельника полюбили въ свѣтѣ. Образованный въ высшей степени, онъ могъ говорить со всякимъ и обо всемъ; кромѣ-того былъ чрезвычайно загадоченъ, что также оставалось не безъ интереса для многихъ. Вотъ что разсказываетъ про него княгиня Долгорукова со словъ графа Капо-д'Истрія: «Мнѣ уже давно хотѣлось подолѣе и по-

серьезнѣе разговориться съ этимъ примѣчательнымъ человѣкомъ; на сегодняшней прогулкѣ я успѣлъ въ томъ и, признаюсь, перещупалъ моего собесѣдника со всѣхъ сторонъ. Мы толковали и о политикѣ, и о наукахъ, и о литературѣ, и объ искусствахъ, въ особенности же о принципахъ, и ни на чомъ я не могъ его поймать. Онъ — точно древніе оракулы: такъ все въ немъ загадочно, остроумно, односложно; не помню во всю мою жизнь ни одной такой трудной бесѣды, которую мнѣ пришлось кончить все-таки ничѣмъ, то есть, нисколько не разгадавъ эту непроницаемую личность.» Если въ слѣдствіе сознанія высокихъ достоинствъ, какія имѣлъ Сперанскій, имъ овладѣвала гордость, обыкновенно отталкивающая отъ себя людей; то у него была также и твердая рѣшимость вести постоянную борьбу съ этимъ опаснымъ и вреднымъ порокомъ, о которомъ онъ такъ отзывался: «Если послѣ безпрестанныхъ усилій и работы надъ самимъ собою иногда и удастся ее усмирить, то спустя нѣсколько времени она опять поднимется съ новою силою, и мнѣ остается только горевать о слабости своей воли.» По крайней мѣрѣ въ обществѣ не видѣли его тщеславно надутымъ; напротивъ онъ былъ всегда чрезвычайно обходителенъ и ласковъ со всѣми, выказывая въ своихъ дѣйствіяхъ самый пріятный въ общежитіи характеръ, способный располагать къ себѣ каждаго: не потому ли, гдѣ онъ ни бывалъ, вездѣ заставлялъ полюбить себя? Особенно онъ отличался увлекательною бесѣдою, за которую во многихъ кружкахъ называли его *Златоустомъ*: какъ высокъ онъ былъ въ своихъ рѣчахъ въ государственномъ совѣтѣ, такъ безподобенъ былъ и въ игривой болтовнѣ о бездѣлкахъ обыденной жизни. Но охотнѣе слушали, когда онъ говорилъ порусски, потому-что въ его устахъ русская рѣчь принимала особенную силу, гибкость и выразительность. Самая наружность его имѣла свои особенности: высокаго роста, хотя нѣсколько сутуловатый, съ высокимъ лбомъ,

съ особеннымъ выраженіемъ въ глазахъ, подернутыхъ нѣсколько влажностью и переходившихъ отъ одного предмета къ другому какъ бы нехотя, съ чертами лица, обличавшими необыкновенный умъ и добродушную привѣтливость, безъ странныхъ манеръ, хотя съ нѣкоторою оригинальностію, всегда опрятно даже щеголевато одѣтый, самъ чистоплотный, брившійся и перемѣнявшій бѣлье непремѣнно каждый день. Ни воспитаніе, ни кабинетная жизнь, обыкновенно надѣляющія человѣка тѣми или другими манерами, тѣми или другими привычками, которыхъ свѣтъ не признаетъ, не имѣли вліянія на Сперанскаго. Бывать въ свѣтѣ теперь нужно было ему какъ по разсчету, чтобы возвратить къ себѣ старую любовь Государя, для чего онъ не пренебрегалъ никакими средствами, такъ и для его дочери, уже взрослой дѣвицы. Въ самомъ дѣлѣ, въ это время рѣшенъ былъ союзъ Елисаветы Михайловны съ А. А. Фроловымъ-Багрѣевымъ, черниговскимъ гражданскимъ губернаторомъ, племянникомъ графа Кочубея, въ домѣ котораго и устроился бракъ. Въ дневникѣ, гдѣ отмѣчалось, у кого каждый день онъ обѣдалъ, Михаилъ Михайловичъ обозначилъ и свою радость по случаю этого союза, какъ бы заканчивавшаго всѣ заботы его жизни, словами: «Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ»; а подъ числомъ, когда сдѣлано было формальное предложеніе, онъ написалъ: «Сей нареченный и святый день, моя суббота. Сердце мое привыкаетъ къ радости. Отсюда съ 6-го февраля начинается новая эпоха моего бытія.» Когда послѣ свадьбы молодые скоро отправились въ Черниговъ; то не прошло и года, какъ Михаилъ Михайловичъ посѣтилъ ихъ, а еще чрезъ годъ выхлопоталъ своему зятю назначеніе въ члены совѣта министерства финансовъ, и по пріѣздѣ его въ Петербургъ всѣ стали жить вмѣстѣ, имѣя одно хозяйство. Тогда особенно ощутительна стала для Сперанскаго «новая эпоха его бытія», сопровождавшаяся

семейными радостями, какихъ онъ давно уже не имѣлъ. Великое утѣшеніе находилъ онъ для себя и въ своихъ внукахъ, къ которымъ привязался всей душой, съ которыми любилъ забавляться, играть. Разъ, играя съ старшимъ изъ нихъ Мишею, дѣдушка поставилъ его на карнизъ печки; вдругъ карнизъ отвалился и такъ сильно придавилъ ему большой палецъ на лѣвой ногѣ, что онъ послѣ прихрамывалъ. Лѣтомъ вся семья обыкновенно уѣзжала на дачу, гдѣ Михаилъ Михайловичъ привольно совершалъ свои любимыя и привычныя прогулки. Гуляя однажды съ дочерью по набережной на Аптекарскомъ острову, онъ увидѣлъ издали прачку, бывшую нѣкогда въ домѣ Куракиныхъ, и возвращавшуюся домой съ выполосканнымъ бѣльемъ. Когда она, узнавъ Сперанскаго, хотѣла отойти въ сторону, чтобъ своимъ знакомствомъ не сконфузить его при молодой дамѣ, Михаилъ Михайловичъ закричалъ: «Мареа Тихоновна! Куда жъ ты такъ отъ меня бѣжишь? развѣ не узнаешь стараго пріятеля?» и подозвавъ ее къ себѣ, взялъ за руку и сказалъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ. Этой женщинѣ, раздѣлявшей съ нимъ прежде горе и нужду, онъ постоянно помогалъ.

Теперь же на свободѣ Михаилъ Михайловичъ подумалъ и о томъ, какъ смыть съ себя предъ лицомъ Россіи и Европы тотъ позоръ и тѣ подозрѣнія, которыя пали на него чрезъ долговременную ссылку, и несовсѣмъ были сняты неопредѣлительными выраженіями указа, чтобы и внукъ его Михайло Александровичъ Багрѣевъ не краснѣя могъ встрѣчать въ книгахъ имя своего дѣда. Единственнымъ для этого средствомъ представлялось ему—выставить свои дѣйствія, какъ они были, въ истинномъ ихъ свѣтѣ, и, изложивъ на бумагѣ, напечатать; это значило другими словами написать свою автобіографію. И потому онъ составилъ записку, въ которой довольно подробно изложены были и оправданы прежнія его предположенія и операціи, особенно финансовыя. По совѣту А. И. Тургенева, эта записка по-

слана была въ Лейпцигъ для помѣщенія въ сборникѣ Zeitgenossen, въ которомъ по переводѣ съ французскаго языка на нѣмецкій и была напечатана.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая I, снова открылось блестящее поприще для дѣятельности Сперанскаго. Молодой Императоръ, наслышавшись еще прежде о ябедѣ, лихоимствѣ, несуществованіи у насъ полныхъ на все законовъ или смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко между собою противорѣчивыхъ, обратилъ особенное вниманіе на правосудіе. Законы сдѣлались для него первымъ предметомъ его заботливости. Но онъ видѣлъ, что коммиссія законовъ не достигаетъ своей цѣли, что и сама она требуетъ преобразованія: тамъ члены подписывали только журналы, составляемые Розенкампфомъ по заключеніямъ государственнаго совѣта, безъ надлежащаго обсужденія самаго дѣла, а многіе чиновники коммиссіи, не имѣя опредѣленной работы, рѣдко являлись въ должность и даже совсѣмъ не являлись; главный же начальникъ ея князь Лопухинъ, по овладѣвшей имъ подъ старость скупости, думалъ только объ экономическихъ суммахъ, обрѣзывая штатные оклады служащихъ и часто не замѣщая открывавшихся вакансій. Императоръ Николай велѣлъ закрыть коммиссію, а вмѣсто ея учредить особое Отдѣленіе своей канцеляріи, которое названо было *вторымъ*, съ переименованіемъ прежней Государевой канцеляріи въ *первое* Отдѣленіе, и въ этомъ новомъ учрежденіи, поступившемъ въ непосредственное его вѣдѣніе, велѣлъ повести дѣло по новому плану, замѣстивъ Лопухина Сперанскимъ. Какъ единственный человѣкъ, способный для этого дѣла, котораго никто другой не могъ бы тогда совершить, Сперанскій получилъ такое назначеніе, можно сказать, по необходимости, тѣмъ болѣе, что и молодой Императоръ, при высокомъ мнѣніи объ умственныхъ его дарованіяхъ, имѣлъ сильное предубѣжденіе противъ поли-

тическихъ его идей и вообще противъ его характера. Потому-то, будучи настоящимъ хозяиномъ дѣлъ 2-го Отдѣленія, внося даже доклады къ Государю, онъ никогда не имѣлъ оффиціальнаго титула главноуправляющаго Отдѣленіемъ, а въ началѣ и всѣ доклады, имъ составляемые, подписывались Балугьянскимъ, бывшимъ наставникомъ Государя, при назначеніи начальникомъ 2-го Отдѣленія пожалованнымъ въ статсъ-секретари и поставленнымъ въ отвѣтственность по дѣламъ этого Отдѣленія. Только впослѣдствіи, ближе познакомившись съ Сперанскимъ по блестящему ходу его работъ, Императоръ Николай перемѣнилъ мнѣніе о немъ, и сталъ оказывать ему болѣе довѣрія, къ чему много содѣйствовало и слѣдующее обстоятельство. Въ 1827 году установлены были знаки отличія безпорочной службы, и Сперанскому пожалованъ былъ такой знакъ, но только за 25 лѣтъ съ вычетомъ лѣтъ ссылки, будто не оправданныхъ еще; онъ пожаловался на орденскаго канцлера князя Куракина Государю, и въ доказательство своей невинности представилъ ему собственноручные рескрипты покойнаго Императора, при назначеніи его сибирскимъ генералъ-губернаторомъ: эти-то рескрипты и оказали свое дѣйствіе на образъ мыслей молодаго Государя.

Какъ же повелъ свое дѣло Сперанскій? Онъ повелъ его съ безпримѣрною дѣятельностью, не теряя напрасно ни минуты, и съ чрезвычайнымъ умѣньемъ, поставивъ для себя задачею не ломку всего прежняго и дѣйствующаго, а живое и разумное воспроизведеніе его. Набравъ наудачу, но довольно счастливо чиновниковъ къ себѣ въ канцелярію изъ университетскихъ профессоровъ и молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ распредѣлилъ между ними работу по мѣрѣ способностей и свѣдѣній каждаго, начертывая планы и программы для ея производства, и воодушевляя всѣхъ собственнымъ примѣромъ, бдительнымъ личнымъ надзоромъ и щед-

рыми наградами. Работа закипѣла. Всѣ чиновники трудились каждый надъ своею частью, и подавали письменный отчетъ о сдѣланномъ ими въ продолженіи недѣли. Каждый вечеръ въ 7 часовъ старшіе редакторы поочередно являлись къ Сперанскому съ своими тетрадями; а онъ въ присутствіи Балугьянскаго дѣлалъ повѣрки и исправленія, не пропуская ни одной строки; при чомъ высказывалъ свои мѣткія наблюденія, остроумныя замѣчанія, тонкіе выводы, обращая свой кабинетъ въ школу высшей государственной науки и дѣловаго краснорѣчія. Оконченную какую-нибудь часть работы онъ тотчасъ же представлялъ Государю, съ которымъ работалъ потомъ вмѣстѣ. Типографія, нарочно для этого учрежденная при 2-мъ Отдѣленіи, загромождена была работою, и первая стала печатать строчную букву *т* по виду прописной т, что Сперанскій сдѣлалъ какъ для выигрыша мѣста, такъ и для большей четкости. Пока одни чиновники отдавали въ печать матеріялы, долженствовавшіе войти въ *Полное собраніе законовъ*, начиная съ «Уложенія Царя Алексѣя Михайловича» (какъ древнѣйшаго изъ числа нашихъ постановленій, еще сохраняющихъ свою силу), другіе готовили нужныя извлеченія изъ тѣхъ-же законовъ для систематическаго *Свода* ихъ; а самъ Сперанскій писалъ *предисловіе* къ «Полному собранію законовъ», и то сочиненіе, которое издано особою книжкою подъ заглавіемъ: *Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ.* 19-го января 1833 года назначено было чрезвычайное собраніе государственнаго совѣта: собравшіеся члены его изумлены были, увидѣвъ на столѣ совѣтской залы цѣлую гору книгъ, которую составляли 56 томовъ *Полнаго собранія законовъ* и 15 томовъ *Свода* ихъ. Послѣ рѣчи, произнесенной Государемъ, и нѣсколькихъ разсужденій Совѣта, Монархъ, подозвавъ къ себѣ Сперанскаго, обнялъ его и тутъ же надѣлъ на него снятую съ себя Андреевскую звѣзду, что изображено и на одномъ изъ ба-

рельефовъ, украшающихъ пьедесталъ памятника, воздвигнутаго Николаю I. Во время самой работы, Сперанскому пожалованы были слѣдующія награды: орденъ св. Владиміра 1 ст., бриллъянтовые знаки ордена св. Александра Невскаго, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, табакерка съ портретомъ Государя, аренда на 12 лѣтъ, въ замѣнъ которой послѣ велѣно было производить по 10,000 р. въ годъ въ теченіи 12 лѣтъ. Если всѣ эти награды казались очень щедрыми; то не нужно забывать, что и заслуги Сперанскаго были очень велики: работа его, которую Государь назвалъ *монументальною*, составляетъ подвигъ, подобнаго которому не находимъ ни въ одной странѣ міра. Хотя она, какъ и всякое произведеніе рукъ человѣческихъ, не безъ недостатковъ; но съ выходомъ въ свѣтъ *Собранія законовъ* и ихъ *Свода* Россія по крайней мѣрѣ положительно узнала свои законы, которые лежали до тѣхъ поръ въ глубокомъ хаосѣ, недоступномъ ни наукѣ, ни практикѣ. Подъ руководствомъ же Сперанскаго составленъ былъ особою коммиссіею и *Сводъ военныхъ постановленій*, изданный въ 12 томахъ, и принявшій исходною точкою «Воинскій уставъ Петра Великаго»; а для составленія *Сводовъ законовъ Остзейскихъ и Западныхъ губерній* онъ учредилъ при 2-мъ Отдѣленіи два особыхъ стола, и эти своды окончены были еще при немъ, хотя обнародованы уже послѣ его смерти. Ему присылали рапорты изъ Гельсингфорса и о ходѣ занятій особой коммиссіи по составленію *Свода законовъ Великаго Княжества Финляндскаго.*

Для установленія правосудія на твердыхъ основаніяхъ, кромѣ ясныхъ и положительныхъ законовъ, необходимы были еще законовѣдцы. Въ докладѣ Государю Сперанскій представилъ поэтому, что молодымъ людямъ необходимо давать настоящее юридическое образованіе, что нужно составить учебныя книги—одну для учителей, другую для учащихся, и приготовить самыхъ учителей. Для этого изъ ду-

ховныхъ академій, Санктпетербургской и Московской, были вызваны по три лучшихъ, окончившихъ курсъ, студента, и помѣщены въ Санктпетербургскій университетъ на казенный счетъ. Они слушали здѣсь лекціи по Римскому праву и Латинской словесности, и каждый день кромѣ-того должны были являться во 2-ое Отдѣленіе слушать еще уроки Русскаго публичнаго и гражданскаго права, читать тамъ лучшія юридическія сочиненія и практически упражняться въ дѣлопроизводствѣ. Послѣ шести испытаній, при которыхъ всегда присутствовалъ Сперанскій, они были отправлены для дальнѣйшаго своего усовершенствованія, подъ надзоромъ Савиньи, въ Берлинскій университетъ, на который указалъ знаменитый А. Гумбольдтъ; а изъ духовныхъ академій вызваны были еще новые студенты, поведенные такимъ-же образомъ. Посланные за границу обязаны были присылать во 2-ое Отдѣленіе отчеты о своихъ занятіяхъ; а когда Сперанскій былъ въ Берлинѣ, то и самъ не преминулъ удостовѣриться въ ихъ успѣхахъ. По возвращеніи изъ-за границы—однихъ въ 1832, другихъ въ 1834 году, и по выдержаніи экзамена на степень доктора правъ, они были разосланы профессорами въ разные наши университеты. Изъ числа этихъ воспитанниковъ Сперанскаго были: Неволинъ, Рѣдкинъ, Калмыковъ, братья Баршевы, Кранихфельдъ, Алексѣй Куницынъ. Въ то-же время нашъ законовѣдецъ принялъ дѣятельное участіе и въ учрежденіи училища Правовѣдѣнія, обязаннаго своимъ существованіемъ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, который пожертвовалъ для него и значительный капиталъ: по соглашенію съ принцемъ, составлены были Сперанскимъ проекты устава и штата этого училища, которое и открыто было 5 декабря 1835 года. Самому Сперанскому поручено было Императоромъ Николаемъ въ 1834 году сначала приготовить къ присягѣ Наслѣдника Цесаревича (нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора), по случаю достиженія Имъ совер-

шеннолѣтія, а потомъ преподать Ему полный курсъ юридическихъ наукъ. Приготовленіе къ присягѣ ограничилось общимъ вступленіемъ: сообщено понятіе о законахъ вообще, о раздѣленіи ихъ и видахъ, сдѣланъ краткій очеркъ исторіи русскаго законодательства, и представлена сущность основныхъ законовъ нашей имперіи. Лекціямъ, продолжавшимся два года съ половиною, данъ былъ видъ бесѣдъ, въ которыхъ умный наставникъ и государственный мужъ, глубоко и на практикѣ изучившій жизнь Россіи и ея потребности, краснорѣчиво и отчетливо излагалъ будущему ея Монарху науку Царей и Правителей, откровенно и смѣло выражая въ нихъ свой взглядъ, свои благороднѣйшія стремленія, свою душу. По окончаніи этихъ бесѣдъ, ему пожалованы были брилльянтовые знаки на орденъ св. Андрея Первозваннаго, и лично вручена была большая золотая, украшенная алмазами, табакерка съ портретами Императора и Императрицы. По волѣ Государя, желавшаго ознакомить нашихъ профессоровъ со взглядами Сперанскаго на то, въ какомъ видѣ и духѣ должно преподавать отечественные законы, и вмѣстѣ представить для учащихъ и учащихся небольшую, но полную и вѣрную модель *Свода*, нашъ законовѣдецъ предпринялъ также въ послѣдній годъ своей жизни сочиненіе подъ заглавіемъ: *Руководство къ познанію законовъ*, доведенное имъ до 8 главы. Изъ этого сочиненія видно, какъ ясно авторъ понималъ потребности нашего юношества, виды правительства и нужды государственныя: по просьбѣ дочери его и соизволенію Государя Императора, оно и въ неконченномъ видѣ было напечатано и встрѣтило необыкновенное одобреніе ученаго міра.

Кромѣ громадной работы по законамъ, Сперанскій много трудился еще и по разнымъ порученіямъ, на него возлагавшимся. Извѣстно, что онъ написалъ и первый манифестъ при самомъ восшествіи Императора Николая на престолъ, сначала порученный Карамзину, но потомъ, по со-

вѣту князя Голицына и графа Милорадовича, переданный Сперанскому, какъ болѣе опытному въ редакціи государственныхъ актовъ. Надобно удивляться его «гибкой, все-понимающей и многосторонней» натурѣ, какъ называлъ ее Карамзинъ: спросивши у своего внука урокъ изъ латинскаго языка, онъ тотчасъ погружался въ важнѣйшее государственное дѣло, потомъ углублялся, напримѣръ, въ каноны св. Іоанна Дамаскина, которые читалъ въ греческомъ подлинникѣ. Надобно удивляться постоянству его труда и той энергіи, съ какою онъ работалъ не только въ молодыхъ лѣтахъ, но и подъ старость, всегда вѣрный своему правилу — быть точнымъ въ своей дѣятельности: и въ послѣдніе годы своей жизни утро и вечеръ онъ проводилъ обыкновенно въ своемъ кабинетѣ, раздѣляя только послѣобѣденное время съ дочерью и съ гостями, въ числѣ которыхъ, особенно по воскресеньямъ, бывали Жуковскій, Гнѣдичъ, Пушкинъ и нѣкоторые профессора университета. Устроенные дочерью для развлеченія отца-труженика музыкальные вечера въ домѣ существовали недолго, потому-что стало напрашиваться много гостей, а средства не позволяли дѣлать многолюдныхъ пріемовъ. И появленіе Сперанскаго въ большомъ свѣтѣ время отъ времени дѣлалось все рѣже и рѣже, особенно послѣ неудачной покупки имѣнія Буромки въ Полтавской губерніи, которое едва приносило и столько дохода, сколько нужно было для уплаты извѣстному заводчику и богачу Яковлеву процентовъ на долгъ, сдѣланный именно на покупку этого имѣнія.

Между-тѣмъ лѣта съ неразлучными ихъ недугами брали свое. Называя лучшими лѣкарствами сонъ, постъ и движеніе, Михаилъ Михайловичъ постоянно старался поддерживать ихъ въ образѣ своей жизни. Послѣ легкаго завтрака, не раздѣваясь онъ ложился спать на полчаса или часъ, чтобы подкрѣпить силы и отдохнуть отъ мучившихъ его геморроидальныхъ припадковъ; каждый день обыкновенно

прогуливался, въ дурную погоду подъ аркадами гостинаго двора; вечеромъ вмѣсто чая употреблялъ холодный отваръ изъ миллефолія съ горькою ромашкою, и никогда не ужиналъ. Если болѣзнь заставляла прибѣгать къ медицинскимъ пособіямъ; то онъ всегда покорялся предписаніямъ врачей, и любилъ разсуждать съ ними о причинахъ и ходѣ болѣзни и о дѣйствіи, какое должно произвести приписанное лѣкарство; но не вѣрилъ гомеопатіи, которой поклонялась его дочь. Два раза ѣздилъ онъ за границу пользоваться минеральными водами въ Карлсбадѣ и Маріенбадѣ. Первый разъ отправился на пароходѣ въ Любекъ, и, пробѣдствовавъ на морѣ болѣе шести сутокъ, писалъ къ дочери: «Ни на какомъ пароходѣ на свѣтѣ не пущусь я впредь въ дальній путь, и возвращусь непремѣнно сухимъ путемъ.» Замѣчательно, что гдѣ ни останавливался онъ на нѣсколько дней, тотчасъ знакомился съ тамошними знаменитостями: въ Маріенбадѣ познакомился онъ съ княземъ Меттернихомъ; въ Прагѣ — съ чешскими учеными Ганкою, Шафарикомъ и др.; въ Берлинѣ бесѣдовалъ съ Гумбольдтомъ, Савиньи и другими; въ Дрезденѣ и Берлинѣ представлялся даже королевскимъ фамиліямъ, которыми былъ принятъ съ особеннымъ почетомъ. Поправленное заграничными водами здоровье его чрезъ нѣсколько лѣтъ опять стало измѣнять ему; тогда онъ отправлялся уже къ морскимъ водамъ въ Одессу, заѣзжая по дорогѣ и въ свое имѣніе Буромку. Отсюда въ одномъ письмѣ къ дочери онъ писалъ: «Удивительно, какъ здѣшній образъ жизни, беззаботный, тихой и мирной, для меня и полезенъ и пріятенъ»; въ другомъ: «Съ сегодняшняго утра начинается курсъ моего лѣченія, т. е. холодная вода, утреннее хожденіе и вечерняя верховая ѣзда. Прибавь къ сему важнѣйшее: праздность, праздность всѣхъ идей, всего, что называется размышленіемъ. Вѣроятно, я такъ поглупѣю, что и тебѣ трудно будетъ понимать меня. Но это есть необходимое усло-

віе моего лѣченія: я уже и теперь чувствую все наслажденіе душевной лѣности.» Сперанскій, бывшій примѣромъ неутомимой дѣятельности, для котораго полное умственное бездѣйствіе было невозможно, постоянно дѣлалъ себѣ упрекъ въ лѣности: извѣстно, что и въ эту пору, именно въ Буромкѣ, онъ написалъ обширное разсужденіе подъ заглавіемъ: *Опредѣленіе закона*, никогда впрочемъ не бывшее въ печати. Изъ Одессы послѣдній разъ онъ возвратился въ сентябрѣ уже въ собственный домъ въ той-же Сергіевской улицѣ, купленный на деньги, выданныя изъ государственнаго казначейства подъ залогъ этого дома, но потомъ подаренный ему Государемъ, велѣвшимъ сложить съ него долгъ: это было удобнѣйшее и красивѣйшее помѣщеніе, какое онъ когда-нибудь занималъ. Сперанскій былъ необыкновенно доволенъ, и чувствовалъ себя такъ хорошо, что даже хвалился своимъ здоровьемъ.

Не тутъ-то было: на слѣдующій мѣсяцъ онъ сильно захворалъ. Началось съ простуды, которою онъ пренебрегъ, чтобъ быть на придворномъ балу въ Царскомъ селѣ, откуда возвратился уже прямо въ постель: открылось сильное воспаленіе въ печени вмѣстѣ съ гастрическою горячкою. Доктора̀ рѣшили, что нужно пустить кровь, и выпустили ея большое количество. Больной почувствовалъ облегченіе, но ослабѣлъ. Лейбъ-медикъ Арендтъ пріѣзжалъ къ нему по нѣскольку разъ въ день; Государь присылалъ навѣдываться объ его здоровьи по два раза въ день. Больной исповѣдался уже и пріобщился св. таинъ, спокойно бесѣдуя съ духовникомъ о предстоящей смерти, и молясь словами царственнаго пророка: «Не отвержи мене отъ лица Твоего и духа Твоего святаго не отъими отъ мене.» Вдругъ въ концѣ ноября болѣзнь приняла благопріятный оборотъ, такъ-что 22 декабря Михаилъ Михайловичъ записалъ въ календарѣ: «болѣзнь прекратилась». Къ этой радости присоединилась другая: Государь осчастливилъ его двукрат-

нымъ своимъ посѣщеніемъ; за нею послѣдовала третья: въ новый 1839 годъ Сперанскій возведенъ былъ въ графское достоинство. Новый графъ тотчасъ же написалъ Государю благодарственное письмо, и, рѣшая вопросъ, какъ подписываться ему теперь, съ буквою М или безъ нея, сказалъ бывшему тутъ Рѣпинскому: «Нѣтъ, графъ Сперанскій — одинъ на свѣтѣ!»

Но недолго суждено было существовать на свѣтѣ новому графу: болѣзнь скоро опять возобновилась. Только-что оправившись отъ нея, онъ, какъ предсѣдатель департамента законовъ, взялся за дѣло объ уничтоженіи простонароднаго лажа на монету, которое отложено было до его выздоровленія. «Сколько разъ, говоритъ дочь, я умоляла его въ слезахъ, на колѣняхъ, именемъ моихъ дѣтей, бросить эту ненавистную для меня работу. «Долгъ прежде всего,» отвѣчалъ онъ, сжимая мои руки въ своихъ исхудалыхъ пальцахъ. А между-тѣмъ физическая его слабость была въ это время такъ велика, что послѣ каждыхъ десяти написанныхъ строкъ голова опускалась на грудь, и глаза на нѣсколько минутъ смыкались.» При такой слабости, вдругъ вздумалось ему, по старой привычкѣ, пойти гулять въ самую дурную погоду—и онъ опять простудился. Чего было ждать теперь? Послѣ перваго выздоровленія его, Арендтъ говорилъ: «Поддержать-то мы его поддержали, да надолго ли? сомнѣваюсь: лѣта не тѣ.» Отъ изнеможенія силъ Михаилъ Михайловичъ сталъ охать, чего съ нимъ никогда не бывало: онъ всегда былъ больной самый терпѣливый. 10 февраля утромъ графъ сказалъ находившемуся при немъ доктору: «Ну берегитесь: со мною будетъ ударъ, врагъ мой здѣсь (указывая на грудь), это я чувствую.» Послали за Арендтомъ, который въ это время былъ съ Государемъ въ Петергофѣ, и за которымъ еще прежде послано было отъ престарѣлаго Кушникова (предсѣдателя гражданскаго департамента), вдругъ разбитаго параличомъ. Заѣхавши

прежде къ Кушникову, лейбъ-медикъ встрѣченъ былъ вопросомъ: «Видали ли вы Михайла Михайловича?» и послѣ отрицательнаго его отвѣта Кушниковъ продолжалъ: «Ну такъ бросьте меня, и поѣзжайте скорѣе къ нему: я уже полумертвый, а его нужно спасти для Россіи.» Арендтъ пріѣхалъ къ графу въ 5-мъ часу, и послалъ къ Государю телеграмму, что больному лучше. Въ теченіе вечера они много разсуждали о физическихъ небесныхъ явленіяхъ: до такой степени умственныя силы больнаго были свѣжи и бодры, и изнеможеніе плоти, кажется, не имѣло въ немъ никакого вліянія на духъ. На другой день въ три часа утра предсказаніе графа сбылось: онъ пораженъ былъ ударомъ въ голову и внутренности. Безъ языка, съ закрытыми глазами, больной безпрестанно стоналъ, пока въ девятомъ часу вечера изъ его груди не излетѣлъ послѣдній вздохъ.

Когда государственный секретарь баронъ Корфъ явился въ тотъ-же вечеръ въ Аничкинъ дворецъ съ докладомъ о смерти графа Сперанскаго, Государь въ продолжительной бесѣдѣ о покойномъ между-прочимъ высказалъ: «Михайла Михайловича не всѣ понимали, и не всѣ умѣли довольно цѣнить; сперва Я и самъ въ этомъ болѣе всѣхъ, можетъ статься, противъ него грѣшилъ. Мнѣ столько было наговорено о его превратныхъ идеяхъ, о его замыслахъ; клевета осмѣлилась коснуться его даже и по случаю исторіи 14-го декабря! Но потомъ время и опытъ уничтожили во Мнѣ дѣйствіе всѣхъ этихъ наговоровъ. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностію, съ неустававшею никогда дѣятельностію. Теперь всѣ знаютъ, чѣмъ Я, чѣмъ Россія ему обязаны, и клевстники давно замолчали.» Въ глубокомъ чувствѣ сожалѣнія, Монархъ нѣсколько разъ повторилъ: «Другаго Сперанскаго Мнѣ уже не найти; да и кѣмъ Я попытаюсь даже замѣнить его умъ, свѣдѣнія, опытность, усердіе, быстроту»? Корфу велѣно было запе-

чатать кабинетъ покойнаго, для отобранія бумагъ, относившихся къ служебнымъ его обязанностямъ.

Графъ Сперанскій похороненъ въ Александроневской лаврѣ. По этому случаю Магницкій высказалъ слѣдующую мысль: «Около полувѣка тому назадъ, воспитанникъ Владимірской семинаріи съ нѣсколькими рублевиками въ карманѣ, съ благословеніемъ сельскаго священника, отца своего, вошелъ трепетною ногою въ ворота Александроневской лавры. И вотъ онъ подъ раззолоченнымъ балдахиномъ погребальной колесницы, окруженный факелами и облакомъ кадильнаго ѳиміама, въѣзжаетъ въ тѣ самыя ворота — графомъ Сперанскимъ, знатнымъ и знаменитымъ сановникомъ имперіи»! При печальномъ обрядѣ, совершенномъ находившимся тогда въ Петербургѣ кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ, котораго покойный очень уважалъ, присутствовалъ и Государь Императоръ, провожавшій гробъ изъ церкви до могилы, и со слезами на глазахъ бросившій въ слѣдъ за митрополитомъ прощальную горсть земли. Надгробный памятникъ графа Сперанскаго, подъ которымъ лежитъ и второй внукъ его, очень простъ: на большомъ монолитѣ изъ краснаго гранита утвержденъ вызолоченный крестъ; у подножія краткая надпись: *Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Родился 1 января 1772 года, скончался 11 февраля 1839;* съ восточной стороны у ногъ изображенъ графскій гербъ съ девизомъ: *in adversis sperat.*

СОЧИНЕНІЯ В. НОВАКОВСКАГО,

СОСТАВЛЕННЫЯ ИМЪ И ОДОБРЕННЫЯ УЧЕБНЫМИ КОМИТЕТАМИ РАЗНЫХЪ ВѢДОМСТВЪ ДЛЯ СРЕДНИХЪ И НИЗШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ДЛЯ ГИМНАЗІЙ И УЧИЛИЩЪ:

1. **Гдѣ я? и кто я?** Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми. Цѣна **60** коп.
2. **Предварительный курсъ Русской Грамматики** для 1-го класса. Цѣна **30** коп.
3. **Русская Христоматія** для 1-го класса. Цѣна **60** коп.
4. **Этимологическій курсъ** для 2-го класса. Цѣна **40** коп.
   — — Съ методою преподаванія. Цѣна **80** коп.
5. **Русская Христоматія** для 2-го класса. Цѣна **60** коп.
6. **Синтаксическій курсъ** для 3-го класса. Цѣна **60** коп.
7. **Русская Христоматія** для 3-го класса. Цѣна **60** коп.
8. **Краткая Русская Грамматика,** общепонятно изложенная. Цѣна **50** коп.
9. **Изборникъ** для уѣздныхъ училищъ. Цѣна **80** коп.
10. **Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.** Цѣна **50** коп.
11. **Александръ Васильевичъ Суворовъ.** Цѣна **75** коп.
12. **Московскій Митрополитъ Платонъ.** Цѣна **40** коп.
13. **Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.** Цѣна **60** коп.
14. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.** Цѣна **40** коп.

ДЛЯ НАРОДА:

1. **Дары Божіи, потребности и трудъ человѣка.** Цѣна **8** коп.
2. **Русская Исторія** для народныхъ училищъ. Цѣна **8** коп.
3. **Разсказы о Ломоносовѣ.** Цѣна **15** коп.
4. **Разсказы о Суворовѣ.** Цѣна **22** коп.
5. **Русская Грамматика** для простолюдиновъ. Цѣна **20** коп.
6. **Изборникъ** для простолюдиновъ. Цѣна **80** коп.
7. **Изборникъ** для солдатъ. Цѣна **80** коп.

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

1. **Дивенъ Богъ въ дѣлахъ своихъ.**
2. **Толковое чтеніе и правильное письмо.**
3. **Разсказы о животныхъ и растеніяхъ.**

Продаются въ Санктпетербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Товарищества «Общественная Польза», въ Милліонной, домъ № 6.

2007088163